

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

Annotation

Томас Брейн служит в корпоративной армии в чине сержанта. Его работа — охрана конвоев, продвигающихся сквозь опасные джунгли планеты Галилео. Томас многое повидал и не раз был ранен. Он дослуживает срок по третьему контракту и готов выйти в отставку, но что-то пошло не так, и Томас стал опасным свидетелем в разборках спецслужб и тайных спонсоров повстанческого движения. Сержант Брейн вынужден все бросить и бежать, ведь на него объявлена тотальная охота. Вся надежда теперь на удачу, старых друзей и особую подготовку...

Алекс Орлов

Игра без правил

© Орлов А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Гигант КТМ уперся отбойником в контрольный бело-красный шлагбаум, недовольно взревел двигателем и дождался, пока отъедет бронированная плита, наглухо перекрывавшая проезд на территорию базы.

Когда она со скрежетом убралась в боковую нишу, головной броневик, а за ним еще полдюжины транспортов проскочили за охраняемый периметр, и только здесь водители смогли перевести дух и забросить в рот пару пластинок мятной жвачки.

Группа вернулась из плена джунглей — маршрут повышенной категории сложности, что означало возможные потери до двадцати процентов. Но им повезло, а значит, эти проценты подцепит кто-то другой.

Броневики прокатились по главной аллее с тополями и остановились на площади, чтобы высадить личный состав.

Зажужжали приводы, поднялись бронированные двери, и солдаты сошли на сухой бетон, переводя дух под утренним солнцем. Они уже были «дома», а водителям еще предстояло отогнать КТМы в парк.

— Ну, Брейн, по пиву? — предложил сержанту один из бойцов отделения.

— Не, я только из комбинезона вылез. Сначала душ, а потом какой-нибудь фильм посмотрю.

— Порнуху? — предположил связист отделений Ляминен.

— Нет, порнухи хватает на выезде, — отмахнулся сержант и, поправив на плече «сквоттер», направился к казарменному блоку — нагромождению из сборных жилых «кубиков», каждый из которых представлял собой отдельную квартиру для целого отделения.

Казарменный блок располагался на месте стоявшего здесь когда-то памятника архитектуры в колониальном стиле. В гражданскую войну памятник разнесли из гаубиц, но окружавшие его кипарисы, парк с прудом и садом камней — уцелели. Видимо, потому на это место пал выбор тех генералов или политиков, которые когда-то решили разместить здесь военную базу.

Парк и пруд обнесли четырехметровой стеной, а камни из сада камней пошли на приготовление бетона.

Поздоровавшись с несколькими знакомыми, Брейн поднялся по стальной лестнице на третий уровень и, войдя в свой блок, сразу почувствовал, как сильно устал.

Вроде прошли по маршруту ровно, никакой стрельбы, засад, минирования, а ощущения такие, будто кирпичи таскал.

Зайдя в оружейку, Брейн сгрузил «сквоттер» в пирамиду, на секунду задержав взгляд на трех пустых ячейках.

Збиргов, Лурье и Парансер. Первые двое погибли три месяца назад, когда конвой нарвался на засаду. Два часа боя, вызов воздушной подмоги и еще два часа боя.

Когда пришла колонна из резерва, их оставалось не больше половины — и охраны, и спецов. В тот раз везли геологов.

Парансер был уволен после тяжелых ранений, хотя до конца контракта у него оставалось полгода.

Выйдя из хранилища, Брейн прошелся мимо фальш-окон прямым ходом в душевую, где

сбросил все белье и первую обувь в генератор, потом шагнул сквозь стену светового дезинфектора и, наконец, подставил тело под освежающие струи воды.

Система узнала его по биопоказателям и включила контрастный душ — Брейн обожал водные процедуры.

В то время как другим было достаточно просто помыться, его вода, как он любил говорить, перезаряжала. С другой стороны, он был самым старшим и самым битым из всего отделения. Три контракта, четыре ранения. Пару раз его серьезно сшивали, собирали на шпифтах, винтах и болтах. Потом крепеж убрали, и теперь он ходил без хромоты и не сутулился, но напряжение в костях и мышцах чувствовалось. Все же латаное, оно и есть латаное.

Выйдя из душевой, Брейн распахнул дверцы шкафа и взял новый комплект белья и первой обуви. Белье на базе не стиралось, оно уничтожалось в генераторе — часть шла на производство электричества, а остальное на переработку, чтобы производить новую одежду.

С одной стороны, это была затратная технология, однако в джунглях иначе было нельзя. Многие растения в здешних лесах использовали особую систему размножения. Они стреляли чем-то вроде слабого биологического лазера, перемещая свой генетический код и внедряя его в окружающую материю.

Если код попадал в подходящую среду, растение прорастало, а если, скажем, в ткань животного, все зависело от того, насколько сильной окажется иммунная система этого вида. Или же, напротив, насколько приспособлен этот вид для совместного проживания — симбиоза.

Из-за этой особенности джунгли в тропических районах части материкового Галилео представляли собой плотную сеть из взаимно прораставших растений, которые вновь и вновь прошивали друг друга лазерными иглками с генетическим кодом.

Трава перемешивалась с кустарниками, кустарники с деревьями, а те с лианами и со споровыми моногигантами, тянувшимися на сотни метров.

Иммунитет человека был устойчив к девяноста девяти процентам лазерогенетических инвазий, но этот один процент пробивал шкуру двуногих, запуская под кожу чуждую флору, и спустя полгода, если не проводилось промежуточных медицинских осмотров, начиналась нешуточная борьба за жизнь человека, и в ход шло все — от химиотерапии до классической и физико-трафаретной хирургии.

Часто борьба заканчивалась неудачей, поэтому главным способом противодействия была избрана ежедневная профилактика — полная смена нательного белья, в котором аккумулировалась основная часть информационных инвазий. Они задерживались защитной мембраной, не попадая напрямую в живые ткани, однако со временем заражали их, двигаясь в сторону излучения тонких энергий, то есть к человеку.

Остававшиеся в КТМ бронекombineзоны, каски, краги прожаривались жестким специзлучением, разрушающим код, а наполненное биоследами белье уничтожалось. Так было проще.

Информационно-генетические заряды, пробившие защитные мембраны одежды, уничтожались на поверхности кожи специальными шампунями, ну а недобитые и формально сохранившиеся добивались завесой из ослабленного специзлучения.

Закончив процедуру, Брейн прошел в комнату отдыха и, усевшись перед ТВ-боксом, запустил список видео. Выбрав фильм, который не досмотрел в прошлый раз, включил его с самого начала, в конце концов, ему не так важен был сюжет, как сам факт того, что он расслаблен и отдыхает.

С некоторых пор сержант Брейн полюбил именно такой способ расслабления, хотя прежде, как и все, едва покинув БДК и не снимая с плеча тяжелого «сквоттера», он спешил в бар — тут же на базе.

Но возвращаться после выпивки в жилой блок, толкаться в оружейке, торопиться в душевой, когда тебя подгоняет очередь... Нет, теперь ему больше нравился комфорт, а выпивку можно было принести сюда, если припрет. Но пока не припирало.

За просмотром кино Брейн задремал и очнулся, когда в коридоре зашумели вернувшиеся из бара товарищи. Хлопнула дверь оружейной комнаты, загудела сигнализация, когда они открыли пирамиду, убирая в лотки свои «сквоттеры».

Брейн помнил времена, когда в баре случалась самопроизвольная стрельба с ранениями. Руководство базы и администрация компании пытались запретить ходить с оружием по территории базы, но, видя недовольство личного состава, повсюду поставили блокирующие датчики, тем самым застраховав себя от будущих проблем.

И больше никаких самопроизвольных выстрелов не случилось, даже если подвыпившие солдаты дергали спусковые крючки не поставленных на предохранитель «руггеров» и «сквоттеров».

Снова хлопнула дверь оружейки, вставая на секретный замок. Одновременно с этим зажужжал генератор, в который швырнули белье, — бойцы отправились мыться.

Но кабинок было лишь две, и остальным пришлось болтать в ожидании своей очереди.

Пьяные голоса почти заглушали звук ТВ-бокса, но Брейну этого и не требовалось, все же он смотрел фильм по второму разу.

— Томас, ты тут, часом, не дремлешь? — спросил Моузер, первым выскочивший из душа. Моузер был лейтенантом и являлся формальным командиром отделения, однако поскольку в коллективе были солдаты, служившие по второму и третьему контракту, всякие формальности пускались побоку и лейтенанта звали Мози или Мо.

— Дремлю, Мо, — признался Брейн.

— А мы здорово оттянулись в забегаловке!

Лейтенант нетвердой походкой прошагал к дивану и сел рядом, обдав Брейна запахом пива «Черный бархат», самого крепкого и недорогого в баре. По-настоящему крепких напитков на базе не было, не считая вин, но профи их не пили, лишь изредка покупали каким-нибудь девицам, вроде персонала медицинского блока и финансово-административной службы. Там попадались весьма заметные кошечки, но они были избалованы мужским вниманием, и Брейн еще на первом контракте понял, что лучше подождать выезда в город, чем тратить деньги без возможности их отбить.

— Харви выпил пять литров прямо из бочонка, ни разу не передохнув, представляешь?

— Харви? Да, легко представляю, — кивнул Брейн. — Кто платил?

— Парень из роты обеспечения, они условились, что Харви не должен останавливаться, чтобы передохнуть.

— Знаю, — кивнул Брейн. — На это попадают новички, местные все в курсе о способностях Харви.

— Вот тут ты прав! Тот парень только вчера прибыл из Басановы, еще даже загореть не успел.

Брейн кивнул. Над новичками на базе постоянно подшучивали, выставляя их на выпивку. И хотя даже в новички сюда шли профессионалы, доказавшие свои способности в бою, на материке Онтарио все было как в первый раз. О нем много говорили, о нем рассказывали те, кто бывал здесь. И уж, конечно, все знали, какие деньги здесь платят, оттого очередь из желающих — военных, геологов, врачей, пилотов и кулинаров — была очень длинной. И брали далеко не всех.

— Так, про Харви я тебе рассказал... — произнес Мози, загибая палец. — Ага, мы познакомились с новыми девчонками из медслужбы. Они тоже новенькие, поэтому не успели еще стать этими крашеными змеями.

— И кому повезло?

— Пока непонятно. Их двое, и к ним подкатывали Леон, Роби и Харви — до того, как выпил бочонок пива. Еще два парня с дивизиона РЛС и какой-то майор-связист. Но он был уже в зюю, правда, светил деньгами.

— Картой, что ли?

— Нет, настоящими рандами — золото, голограммы.

— В баре ранды не отоваривают — запрещено.

— Да он их в бар не отдавал, он девкам под руки подсовывал и уговаривал пойти с ним.

— Обеих, что ли?

— Я же тебе говорю — в зюю.

— Это не тот ли связист, который рыжий и носит усы?

— Он самый.

— Лунквист.

— Да, точно, — кивнул Мози.

Распахнулась дверь, и появился Харви. Новое белье на нем было мокрым, потому что он забыл вытереться полотенцем.

— О, Томас!.. — воскликнул он и, подскочив к Брейну, обнял его прямо на диване, навалившись всеми ста десятью килограммами одних только мышц.

— Мы... Мы виделись сегодня, приятель... — напомнил Брейн, пытаясь высвободиться от объятий гиганта, но Харви, как всегда в таком состоянии, был необыкновенно растроган, ему казалось, что он не видел Брейна очень давно.

Наконец в комнату отдыха стали заходить остальные бойцы отделения, и это отвлекло Харви — он бросился обнимать кого-то еще.

— Что смотришь, Томас? — спросил Леон, садясь рядом.

— Уже ничего, — ответил Томас, отдавая Леону пульт. Леон был большим любителем спортивных каналов — особенно ему нравилась женская гимнастика. Он мог часами, не отрываясь, смотреть прямые трансляции и записи, бесконечно восторгаясь грацией спортсменов.

Все, кто был с ним давно знаком, уже не считали это манией, а только некоторой особенностью, как способностью Харви хлестать пиво ведрами.

И как сказал один ветеран, уволившийся из отделения после второго контракта:

— Пусть смотрит, лучше гимнастика, чем порнуха.

В боксе у всех были собственные комнаты — кубрики, рассчитанные на двоих. Но это в армии, а профи, работавшие на компанию, имели больше возможностей и комфорта, потому что только благодаря их усилиям компания могла держаться на Галилео и добывать драгоценный пластичный уголь — ликвид.

Томас Брейн лежал на койке и смотрел в темный потолок. Он выключил свет и ждал, когда уснут все. Его снова, как он это называл, «подкручивало». Болели старые раны, швы, затяжки, шрамы от скобок. Внешне он был в порядке, но боль приходила изнутри. И не такая, когда болит по-настоящему, а ноющая, изнуряющая. Он пробовал таблетки, но в следующий раз боль становилась сильнее. Требовалось какое-то движение, и тогда он шел в спортзал — прямо посреди ночи.

В отделении о его отлучках или не догадывались, или относились с пониманием. Все знали, сколько раз сержант Брейн попадал в госпиталь. А может, думали, что он ходил к медичкам, прикормив какую-нибудь своим немалым жалованьем, или напивался где-то в техпарке. Здесь всякие объяснения имели место, поскольку это был Галилео, материк Онтарио, база «Левада».

Выскользнув из блока, Брейн спустился по железной лестнице и направился к отдельно стоящему зданию бывшей господской конюшни. Она также уцелела вместе с парком, и в ней разместили «оздоровительный центр».

— Привет, Томас, — поздоровался сторож спортивного комплекса — ветеран Цуриока, потерявший ногу и руку в одном жестоком бою.

Компания оплатила ему протезы — довольно эффективные, и теперь он мог работать сторожем, смотрителем, уборщиком, встречая посетителей и провожая их до душевой. Деньги, конечно, были не те, что он получал по контракту, но Цуриока не стремился к обогащению: «Признаться, парень, я хочу, чтобы меня замечали. Пенсия есть, но кто меня там увидит в однушке спального района? А здесь я на виду и все со мной здороваются, а то и совета спросят. Я же бывший пулеметчик отделения».

— Проходи, в четвертом зале новая дорожка — только сегодня установили. Я сразу подумал о тебе. Прежняя сбоила, а эта, как заверяют, валит двадцать километров с изменением рельефа.

— Спасибо, Ицу, это то, что мне нужно.

И спустя несколько минут Томас Брейн уже мчался по паутине беговых дорожек парка Кодзэн, в городе, название которого ни о чем ему не говорило. Он видел экран, чувствовал изменения наклона дорожки и легкий запах инициатора — сначала немного сосны, потом асфальт, осень и стриженная трава. Ну кому пришло в голову стричь траву в конце октября? И тем не менее.

Пробежка оказывала на Брейна благоприятное действие. Спину переставало ломить, из головы прочь уходили глупые разочаровывающие мысли. Он бежал и бежал, дорожка приветливо жужжала, а запах осени заставлял возвращаться на двадцать лет назад — в детство, в лето, в солнечный край.

Через восемнадцать километров он остановил тренажер и сошел на пол, хватая ртом воздух. Это была нормальная дистанция, но иногда он бегал и за двадцать пять.

Тяжело дыша, Брейн сделал несколько кругов по залу, потом направился в отделение

единоборств, где находились тренажеры от лучших компаний. Ему нравилось оборудование «Броуборс» — минимум игровых дополнений, глубокое погружение и хорошо сидящая оснастка.

Пришел Ицу и помог Брейну надеть все датчики и имитаторы нагрузок, чтобы не болтались. Маску Брейн надел в последнюю очередь и на появившемся виртуальном экране сразу выбрал уровень сложности — пятый из десяти. Степень воздействия имитаторов нагрузок — шестьдесят процентов.

Сделал вдох, и на него выскочил виртуальный противник, с ходу заработав руками и ногами.

Защелкали имитаторы нагрузок, зашумел стоявший в углу сервер, обрабатывая трехмерную графику, продвинутый звук и еще десяток нагрузочных параметров.

Со стороны это выглядело странно, человек в маске наносил удары, отступал, пригибался, атаковал вновь, но перед ним была только стена и сидевший в углу Ицу, который ждал, когда Брейн начнет переключаться на повышенные режимы. Вот тогда блок сервера начал работать в полную силу, а имитаторы нагрузок грохотали и трещали разрядами, моделируя болевые воздействия.

Брейн вел бой против двух, потом против трех противников. Его руки и ноги мелькали, дыхание стало походить на шипение змеи, тело сотрясалось от пропущенных ударов, приемов их на плечо и в блоки.

Наконец спустя четверть часа битва закончилась. Ицу помог снять маску и накладки, убрав все это в специальный стеллаж. А Брейн принялся расхаживать по залу, пока его глаза не стали осмысленно глядеть на мир.

— Ну как, порядок? — спросил Ицу, подавая одноразовое полотенце.

— Да, — кивнул Брейн. — Хорошо проняло.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Ицу, спасибо за помощь.

Вернувшись в жилой блок, Брейн снова принял душ и отправился спать — теперь уже с ощущением приятной усталости, а не этой изнуряющей ломоты. Назавтра был свободный от службы день и можно было спать хоть до обеда. Потом еще два дня отдыха, и на четвертый день — очередной выезд.

Это могло быть обычное патрулирование по относительно безопасным лесным дорогам с остановками в небольших городках, где можно было заскочить в магазинчик за колой или чипсами — так обычно и проходило большинство служебных смен. Но могли направить в конвой — ломиться на броневиках через джунгли, волоча на хвосте транспорт с буровым оборудованием или со спецами для шахты.

Обычно их перебрасывали по воздуху, но иногда партизаны брали какие-то районы в «зенитные клещи», и тогда в джунгли сыпались обломки винтозам и геликоптеров. Однако сложные промышленные процессы на шахтах и обогатительных фабриках не должны были прерываться из-за нехватки персонала, поэтому перевозки вынужденно проводились по земле.

До обеда Брейн спать не стал и уже в одиннадцать вышел в кают-компанию, где сидели Леон Бингарт и Ольсен.

— Где все? — спросил Брейн.

— О, Томас! Мы с Харви забились на двадцатку, что ты проспишь до обеда, — сообщил Леон.

— На что ставил ты?

— На сон до обеда.

— Ну извини.

— Ничего, я на этой неделе забивался с ним раз десять и выиграл сотню рандов. Пускай хоть тут отыграется, а то совсем забиваться перестанет.

— Так где все?

— Пошли к майору Роммелю, он обещал продать рому.

— Продать рому? С чего вы решили, что он будет подставляться с патрульными? — удивился Брейн и, пройдя в угол, сел в удобное кресло, оставшееся здесь от прежней смены жильцов.

Тыловики слыли на базе самыми хитрыми и жадными до наживы, но в то же время и самыми осторожными. И торговать солдатским ромом на территории базы едва решились бы. За исключением поставок всяким знакомым и нужным людям, которые к тому же умели пить тихо и незаметно.

Однако патрульные к таким не относились — если они начинали незаконную пьянку, дело заканчивалось вмешательством внутренней полиции и карцером. А потом — штрафы.

Впрочем, штрафы были не слишком большими, а жалованье большим очень, поэтому залетчики ничего не боялись, и проблема была лишь в том, где добыть горючего.

— Харви сказал, что Роммель ему должен, — сообщил белокрысый Ольсен, задумчиво глядя в работающий без звука ТВ-бокс.

— За что? — снова удивился Брейн. Харви был открытая книга или даже гигантская уличная афиша, и все, что с ним происходило, становилось известно всем, вплоть до дворняжек, которые жили под крыльцом черного хода пищеблока базы. И если ему кто-то

был должен, это тоже не укрылось бы от общественности.

— Он его дядя.

— Кто?

— Роммель.

— Майор Роммель — дядя нашего Харви? — переспросил Брейн, приподнимаясь в кресле и глядя на непроницаемое лицо Ольсена, полагая, что сейчас эти двое начнут ржать и, показывая на него пальцами, закричат: «Ты поверил, да?! Ты почти поверил?!»

— Представь себе! Во какая круть! — подтвердил Леон, вставая и направляясь к холодильному шкафу, где всегда имелся большой запас воды, поставлявшейся за счет компании, и дешевой колы с привкусом фруктов, за которую платили в складчину.

— Мне в это трудно верится, не может быть, чтобы у Харви этот секрет так долго держался.

— А он и не держался, Харви узнал об этом сегодня утром, а через два часа позвонил Роммелю, и уже спустя четверть часа они с Мози и Ляминеном рванули затариваться.

— И с какой же стороны ему дядя этот майор Роммель?

— Сводный брат матери.

— Ага, — кивнул Брейн задумываясь. Потом тоже поднялся и, подойдя к холодильному шкафу, открыл его и выбрал колу «оранж».

— Брось мне «черри», — попросил Ольсен, и Брейн метнул ему красную баночку.

— Так что, сегодня бухать будем? — уточнил Брейн, потягивая жгучий «оранж».

— А что еще делать? — пожал плечами Ольсен. — Следующая смена через двое суток, что ты предлагаешь, книжки читать?

— А хоть бы и книжки. Можно рвануть в город, у нас неиспользованных перевозок под десятку на брата.

— Чего там в Норманде делать? Городок маленький, шлюхи — наперечет. Так себе шлюхи, а цены заламывают будь здоров.

— Тебе эти деньги солить, что ли? — усмехнулся Брейн.

— Да нет, — отмахнулся Леон. — Два часа лету туда, два часа обратно, да еще в порту дожидаться. Какой смысл, если на развлечения останутся еще два часа? И потом, все развлечения — та же выпивка. Так лучше мы прямо здесь.

— Ну... — Брейн пожал плечами. Аргументы действительно были железными. Прежде они летали в Рубенпорт, вполне себе милый городок и всего полтора часа на винтораме. Рядом озеро, отличная клубная программа, а еще охраняемая зона с отелями для командировочных. Там можно было зависать на пару суток. Однако теперь направление Рубенпорта было перекрыто зенитными командами партизан и любой легкой воздушный транспорт подвергался атаке, а использовать высотные аппараты ради прогулок личного состава было слишком дорого.

— Как по мне, так я бы лучше в патруль поехал уже завтра, — признался Леон.

— Так многие бы хотели, — согласился Брейн. — Но в таком случае будут нарушаться медицинские рекомендации, а значит, резко возрастут траты компании на медицинское страхование.

— Оптимальная коммерция превыше всего, — задумчиво произнес Ольсен.

На металлической лестнице послышались шаги, и скоро в жилой блок ввалились Харви, Мози и Ляминен. В их руках были солдатские сумки, в которых, без сомнения, находилась выпивка.

— Да вы, наверное, половину склада вынесли! — восторженно произнес Леон, первым встретив добытчиков.

— Двадцать флаконов! — радостно сообщил Харви.

— А вы не посмотрели, кто сегодня дежурный по базе? — крикнул из кают-компания Брейн.

— Не думай, Томас, мы не глупее тебя! — парировал Харви и, зайдя в кают-компанию, стал выгружать ром в стойку ТВ-бокса. — Когда мы шли, нас сразу срисовали полицаи. Остановить не решились, но стопудово стуканули дежурному.

— Думаешь, придут?

— Придут — не придут, мы все предусмотрели. Давай, ребята, открывай сумки, но все пока не вытаскивайте, на случай внезапных гостей...

Не успел Харви произнести это, как снова послышался топот на лестнице, а затем в дверь блока требовательно постучали.

— Я открою, — сказал Мози, ведь он был официальным командиром отделения. Вскоре послышались голоса неожиданных гостей.

— Добрый день, лейтенант.

— Добрый день, сэр. Вы к нам?

— А к кому еще, лейтенант, если стучу в вашу дверь?

— О, да с вами полицаи...

— Это называется — дежурный наряд, лейтенант.

Все находившиеся в кают-компании переглянулись.

— Полковник Зуман, — шепотом произнес Леон, и все закивали, пряча ухмылки.

Зуман слыл самым строгим и дотошным дежурным и, когда выпадала его очередь дежурить, внимательно следил за порядком и в особенности за тем, чтобы на территории базы не продавались и не распивались крепкие спиртные напитки. Только пиво. А после десяти вечера — только в баре.

При этом сам полковник весь свой наряд проводил в состоянии под мухой. Это помогало ему не заскучать, если не было нарушителей. Вот и теперь его лицо было красным, глаза блестели, а вокруг него распространялся запах свежего коньяка.

— Так-так, голубчики! — произнес полковник, заходя в кают-компанию и сразу обращая внимание на солдатские матерчатые сумки с некими подозрительно выпирающими формами. — Ну-ка, боец, предъяви багаж, — приказал он стоявшему рядом Ляминену. Тот щелкнул каблуками и, вытянувшись в струнку, прокричал:

— Рядовой второго отделения четвертого взвода отдельной роты транспортного сопровождения Леопольд Ляминен, сэр!

— Хватит кривляться, Ляминен, а то загремишь на губу, — сурово пообещал полковник и покосился на стоявших в дверях кают-компания двух плечистых полицаев. — Вскрывай сумки, желаю видеть улики и слушать сбивчивые объяснения, так вас разэдак, залетки хреновы.

Ляминен покорно поставил первую сумку на стол, расстегнул молнию и начал выставлять йогурты, бутылочки с соком, минеральную воду, консервированные фрукты и подсоленный кефир — на утро.

Полковник вздохнул, окинул всех присутствующих пронизывающим взглядом и сказал: — Вторую давай.

Ляминен начал потрошить вторую сумку, но и там была все та же мирная продукция и никакого криминала.

— То есть вы типа умные, а я, Зуман, дурак, да? — произнес полковник, но ему возразить никто не решился. — Что, действительно не притащили бухла, да? Просто так к курбачам бегали?

Курбачами на базе называли тыловиков.

— У них выбор богаче, чем в магазине, сэр, — сказал Ляминен.

— У них вдвое дороже!..

— Зато и свежее. Вот, посмотрите на строки выработки горошка, например.

— Знаешь что... — прорычал полковник, и Ляминен поставил горошек на место. — Я, между прочим, имею право провести у вас тут обыск, блок небольшой, за десять минут все перероем!.. Так что, сами отдадите бухло или как?

— Разрешите я отвечу, сэр! — поднял руку Брейн и вышел из-за спины Харви. Увидев сержанта, полковник снова вздохнул. Тот служил третий контракт, а значит, был тертым калачом и его на голос взять было невозможно.

— Отвечай.

— Сэр, чтобы провести обыск в жилом помещении против воли служащих, требуется разрешение начальника базы. По телефону нельзя — только личным докладом.

— Я не поленюсь, пять минут езды до дома начальника!.. — не сдавался полковник Зуман.

— Это так, сэр, но вы, простудившись, приняли капли от кашля, а генерал Камарин может истолковать этот запах иначе.

Полковник помолчал, глядя на выставленные продукты, затем выбрал себе на утро подсоленный кефир и, выйдя из кают-компании, уже оттуда сказал:

— Как же ты мне надоел, Брейн. И когда уже тебя совсем уволят?

Хлопнула дверь, и стало слышно, как наряд спускается по лестнице.

— Обдурили Зумана! — воскликнул Харви. — Ну разве не повод, чтобы выпить?

— Я начну готовить стол, — вызвался Леон. Ольсен молча к нему присоединился, а Харви распахнул шкафик и стал любоваться батареей бутылок.

— Вы плохо знаете Зумана, если думаете, что он не вернется, когда мы размякнем от выпивки, — предупредил Брейн.

— А ты думаешь, старина Харви это не предвидел? — спросил Харви и засмеялся. — Вот, посмотри!..

Он выудил из угла шкафа отдельную бутылку с этикеткой, как у моющего средства.

— Что это?

— Антиполицай! Двадцать капель на каждую бутылку — и никакого запаха в выхлопе, но эффект не портит. Ну, разве я не молодец?

— Молодец, только это не ты придумал, а твой родственник, — напомнил Леон.

— Родственник мой, значит, я причастен, — не согласился Харви. — А когда мы поддадим, пусть является Зуман и нюхает. Наше дыхание будет свежим, как фиалки. Там,

кстати, написано — запах фиалки.

Пока готовили закуску, Харви откупоривал бутылки с ромом и разливал по ним капли фиалки.

Брейн стал ему помогать, в то время как Ляминен с Мози начали спорить, какое видео подойдет для сопровождения застолья. Радист требовал фильм, а лейтенант — юмористическое шоу.

Остановились на том, что откроют на экране два окна, а когда все рассядутся, каждый сможет настроить звук выбранного шоу с помощью акустического фокусатора, который у ТВ-бокса этой марки поддерживал двенадцать позиций.

Впрочем, как обычно случалось за выпивкой, обо всех шоу быстро забывали. Особенно под хорошую закуску, а закуски в этот раз было с избытком.

— А чего вы столько еды набрали? — спросил Брейн, замечая, что большую часть продуктов Ольсен с Леоном запихивают в холодильный шкаф, оказавшийся для этого тесным.

— Роммель потребовал, чтобы мы все это купили, чтобы он мог на нас навариться, — сказал Харви.

— Так он же тебе дядя.

— Ну, вот такой у меня дядя.

Харви залил капли в последнюю, десятую, бутылку, встряхнул ее и отдал Брейну, который вернул на место пробку.

— Ну что, камрады, — сказал Харви, окидывая взглядом стол. — Пора зажигать.

Только утром, с трудом размокнув веки, Брейн почему-то вспомнил, что вчера они не сходили на обед. Впрочем, и на ужин тоже, хотя зачем им это при таком количестве закуски?

Похмелье сказывалось не очень сильно, должно быть, так работал «антиполицай». Брейн поднялся и пошел умываться, не глядя на часы. Когда же, приняв душ и надев новый комплект белья, он вернулся в свой кубрик, часы показывали половину десятого утра — можно было даже сходить на завтрак.

Одевшись, Брейн вышел в коридор, постоял, прислушиваясь, — никакого движения в кубриках, только храп. Что ж, в этом не было ничего удивительного, он один из всего отделения любил ходить на завтрак, это его как-то перезаряжало.

Выйдя на открытую площадку, Брейн остановился и вдохнул свежий воздух, наполненный диковинными ароматами здешних трав. На территории базы их уничтожали наногербицидами, но они благоухали из-за пределов базы.

Была ясная погода — обычное дело для последних пяти летних годов, а полностью сезонный оборот на материке происходил за двенадцать лет. При этом зима длилась всего три года, но условия были таковы, что на это время вся добывающая промышленность консервировалась, а персонал — эвакуировался. Но через три года они возвращались и снова работали девять лет.

Как при сверхнизких температурах выживали партизаны, никто не знал. Вообще, противника здесь изучали мало. Все силы и средства компания концентрировала на добыче пластического угля, и пока потери от подрывной деятельности партизан даже близко не дотягивались до прибылей, изучать их или там углублять разведывательную деятельность никто не собирался. А зачем, если по расчетам геологов бассейны должны быть исчерпаны через пятнадцать лет?

В столовой пахло свежим кофе, за это Брейн и любил завтрак в столовой. То есть кофе можно было выпить и у себя в блоке, но там это было как-то обыденно, а обстановка столовой придавала утренней трапезе некую торжественность. Скатерти, салфетки, приветливые повара на раздаче. Казалось, у них никогда не бывало плохого настроения, Впрочем, один его знакомый из пищеблока как-то пояснил причину — выход на раздачу был чем-то вроде поощрения для рабочих кухни, всю смену находящихся возле раскаленных плит, где от жара не спасали никакие кондиционеры.

Решив шикануть, Брейн занял место за одним из ВИП-столиков, где обслуживали официанты. Обслуживание стоило всего три ранда, зато торжественность завтрака возрастала еще выше.

— Здравствуйте, сержант, — поздоровался подскочивший парень в чистой кухонной робе.

— Короче так, загибай пальцы... Кашу давай, рисовую.

— Рисовая только из восстановленного риса.

— Тогда — пшено. Натуральное имеется?

— Так точно, сержант.

— Отлично. Значит, кашу, потом еще сочник и кофе. Но кофе притащишь под занавес. Понял?

— Разумеется.

В ожидании своего заказа Брейн смотрел по сторонам, кивал знакомым. Потом принесли кашу, именно такую, как он любил. А еще свежий сочник из песочного теста с творогом. И, наконец, кофе. Одного из тех сортов, которые он особенно выделял — средней прожарки.

Было время, когда Брейн не подозревал ни о каких сортах и просто заливал в термос «кофе из таблеток». Вкус был похожий — ничего другого не хотелось. Но когда служил на «Винтере-24» — полюсном материке планеты Квиби, где приходилось нарезать до сотни километров на открытых снегоходах, в их небольшом гарнизоне нашелся повар, большой любитель кофе, и он лично заваривал его для солдат, отправлявшихся в рейд, и сам разливал в термосы. Вот тогда-то, перекусывая на снегу и укрываясь от ветра за корпусом снегохода, Брейн по-настоящему оценил напиток, произведенный из зерен, а не из химии.

— Эй, Томас!

Возглас заставил Брейна оторваться от кофе и воспоминаний об арктической молодости.

— О, здравствуйте, сэр, — поприветствовал он капитана Селинджера и даже сделал вид, что собирается встать, однако — только сделал вид.

— Слушай, ты со своими разбойниками не хочешь смотаться завтра во внеочередной рейд?

— Я не против, — пожал плечами Брейн. — Спрошу ребят и свяжусь с вами через полчаса. Идет?

— Идет.

— А что с очередной сменой?

— Похоже, заразу подхватили — у троих из отделения понос, доктора не могут ничего поделать.

— Похоже, пыльца.

— Скорее всего. Так что раньше чем через неделю они не оклемаются. Давай, Томас, действуй, ответ мне нужен поскорее.

— Конечно, сэр. Я понимаю.

Брейн поднялся, одним глотком допил кофе и поспешил к выходу.

Когда Брейн вернулся в жилой блок, бойцы отделения еще спали. Он заглянул к Мози и растолкал его со словами:

— Ваше превосходительство, проснитесь, необходимо принять решение...

— Му... Му-у-у... — ответил Мози, даже не поворачиваясь.

— Господин офицер, пробоина ниже ватерлинии!.. Время заводить пластырь!..

Мози приоткрыл глаз и уставил на Брейна невидящий взор. Потом проморгался и спросил:

— Чего тебе?

— Ты пришел в себя?

— А который час?

— Я только что с завтрака.

— А-а... Но я есть не хочу...

С этими словами лейтенант повернулся к стене.

— Ты не сможешь сейчас уснуть.

— Почему это?

— Потому, что тебе очень нужно отлить, — с усмешкой произнес Брейн.

— Нет... — возразил Мози. — Эх, все же надо!..

Лейтенант отбросил одеяло и выскочил в коридор. За ним вышел Брейн и подождал, пока лейтенант сделает все свои дела и вернется.

— Уф, хорошо, что успел! — поделился Мози.

— Можешь не благодарить. Нам тут на завтра предлагают смену, ты как к этому относишься?

— Я спать хочу...

— Я сказал — завтра.

Мози остановился и почесал в боку.

— То есть это реально?

— Ты что, еще не проснулся?

— Проснулся, — кивнул лейтенант и пошел по кубрикам, распахивая двери и крича, чтобы разбудить бойцов.

— Ольсен, ты пойдешь завтра на внеочередку?

— Упс... О-о-о...

— Так да или нет?

— О-о-о...

Несмотря на трудности, всего за пять минут удалось произвести опрос всех, кроме Харви, разбудить которого так и не получилось — он лег самым последним, допивая все, что оставалось в бутылках и рюмках, а напоследок выпил остатки «фиалки», отчего его кубрик благоухал перегаром, разбавленным дешевым туалетным ароматизатором.

— Скажи, что мы согласны, — подвел итог лейтенант Мози. — Харви спрашивать необязательно, он всегда с коллективом.

Брейн кивнул, Харви никогда не подводил коллектив, ни в пьянке, ни в бою. Поэтому Брейн связался по радиации с капитаном Селинджером и подтвердил их завтрашнее участие.

— Отлично, Томас. Каким бортом вы обычно ходите?

— «Ноль шестой», сэр. Пару раз попадал «ноль восьмой».

— Хорошо, постараюсь, чтобы тут обошлось без сюрпризов.

— Спасибо, сэр.

Брейн отключил рацию и повесил на специальный крючок на стене.

— И что, ты договорился? — уточнил Мози, который не до конца был уверен — проснулся он или это еще сон.

— Да, господин офицер. И завтра нам выходить к борту в пять тридцать утра.

— Слушай, а у нас ничего выпить не осталось?

— Парень, ты плохо слышишь? Завтра выезд в половине шестого, какая тебе выпивка?

— Ах да, точно, — согласился лейтенант и растер лицо. — Тогда сделай чайку, что ли.

— Сделаю. А ты умойся и подтягивайся в кают-компанию.

Через полчаса в кают-компании собралось уже все отделение. Бойцы дружно хлебали фруктовый чай, который Брейн усилил сахаром и лимоном.

Постепенно сознание у всех прояснялось, и даже Харви наконец сказал:

— Значит, завтра скатаемся в рейс, Томас?

— Скатаемся.

— А какая пара поведет броневик?

— Обещали «ноль шестой» или «ноль восьмой».

— Годится. А почему очередники соскочили?

— Кишечная что-то там.

— О, это хреново! Из меня раз такая штука хлестала две недели подряд — как из вулкана. И днем и ночью.

— Меня раз тоже проняло, — признался Леон. — Сбросил четырнадцать килограммов.

Они помолчали, потягивая чай и доливая себе из прозрачного парящего кувшина.

— Кого потянем, сказали? — спросил Мози.

— Не было времени уточнять. Но я так полагаю, пассажиров.

— Сколько кунгов?

— Думаю, не больше двух, ведь мы идем одним бортом, значит, больше двух никак не возможно.

— Ладно, бойцы, — подвел итог Мози, — допиваем чаек и милости просим в оружейку, надо тарировать стволы.

— Так вроде ты говорил, у нас стенд барахлит, или уже нет? — напомнил Харви.

— Это когда было-то! Ты что, вообще не следишь за ситуацией?

— Чего это я не слежу?

— На прошлой неделе стенд барахлил, но его сразу починили.

— Ну, я рад... — развел руками гранатометчик и улыбнулся.

Следующие два часа отделение потратило на приведение оружия в порядок. Дольше всех со своим гранатометом возился Харви. Стенд не желал принимать его оружие, Харви ругался в адрес лейтенантов и инженеров, которые должны были раз в две недели проводить обследование стенда.

— Это же не мне нужно, это компании нужно! — восклицал он, а потом добавлял порцию из непечатного.

После тарировки оружия отделение, почувствовав голод, принялось подчищать остатки вчерашней роскоши. Завтрак уже прошел, а до обеда было далеко.

Оставив товарищей, Брейн отправился на пост главного диспетчера, чтобы выяснить подробности. Это всегда следовало делать накануне, чтобы не узнать о неожиданных изменениях утром — перед отправкой.

Капитана Селинджера он застал в комнате отдыха смены: тот смотрел какое-то шоу по ТВ-боксу и шевелил пальцами босых ног, закинутых на обшитую кожзаменителем банкетку.

Носки и ботинки валялись на полу, китель висел на спинке стула, капитан улыбался, слушая трек в наушниках, но, увидев сержанта Брейна, сбросил наушники и вскочил с таким видом, будто увидел начальника базы генерала Камарина, славившегося своими

неадекватными поступками и крутым нравом.

— Томас!.. Так тебя разэдак!.. Ты напугал меня, сукин сын! Чего тебе надо?..

Капитан босым прошел к холодильнику и, распахнув его, продемонстрировал широкий выбор самых крепких напитков.

Это как-то объясняло некоторые несуразицы, выдаваемые диспетчерским постом, когда, путая все и вся, борты отправлялись туда, где не было дорог и просек.

— Ну и батарея у вас, сэр.

— Не обращай внимания, тут в основном освежающие напитки, — заверил Селинджер, срывая зубами пробку с полуторалитрового пивного баллона «Холодный пес».

Вернувшись на место, капитан запрокинул голову и отпил треть баллона, после чего рыгнул и отставил пиво в сторону. Глаза офицера сделались красными, но лицо разгладилось.

— Чего пришел-то, говори?

— Уточнить надо, сэр, — ответил Брейн, проходя к ближайшему казенному стулу и садясь на него.

— А чего уточнять? Завтра все и узнаешь.

— Лучше сегодня, сэр. Какой груз будем сопровождать?

— Два пассажирских лотка и платформа с оборудованием.

— Это не по инструкции.

— И что? Откажешься ехать?

— Не откажусь. Но за лишнюю платформу доплатите.

— Вам и так доплатят за внеочередку.

— Внеочередка — это одно, а лишняя телега на хвосте — совсем другое. Платите за перегруз, сэр. Заполняйте наряд, и я прямо сейчас его заберу.

— А потом нельзя?

— Потом я буду за вами целый месяц бегать. Плавали — знаем. Заполняйте сейчас, и мы, так уж и быть, потащим лишнюю телегу. Она точно одна лишняя, а то, может, их больше?

— Одна, успокойся! — начал злиться капитан. Он поднялся с кресла и, открыв сейф, вытащил бланки нарядов, а потом за пару минут заполнил один и передал Брейну. — Вот, проверь, все ли правильно.

Сержант стал читать, а капитан вернулся на место и снова сделал несколько глотков пива, глядя на мелькающие в ТВ-боксе картинки.

— Ну что, все правильно, — сказал Брейн, убирая наряд в нагрудный карман.

— Тебе сколько лет, Томас?

— Скоро уже стукнет тридцать пять.

— Уже, — пренебрежительно усмехнулся Селинджер и отхлебнул пива.

— Я бы хотел уточнить, какая там обстановка? Мы вообще куда направляемся?

— Тридцать пять, сержант, это, считай, юность. В тридцать пять я мог мочиться без резей и считал, что правильно сделал, женившись в двадцать восемь.

— Так что там с направлением?

— Юго-восток. Квадрат «зейн».

— «Зейн» большой, сэр.

— Дурак был полный. Совсем дурак.

Капитан покачал головой и, дотянувшись до пульта, переключил канал.

— Короче, поедете по дороге до затопленного карьера, там на полустанке в порту

«Салема» примете груз и рванете через долину Бино Бланко.

— Бино Бланко?! Вы серьезно, сэр!? — воскликнул Брейн, вскакивая.

— Чего ты подорвался раньше времени? — недовольно пробурчал капитан.

— В Бино Бланко непроходимые леса, сэр, если нас зажмут, мы даже развернуться не сможем, а уж с хвостом из трех телег, да с пассажирами!..

— Успокойся, Томас, с дорогами там сейчас получше. В районе плато забросили несколько шахт — исчерпали запасы полностью. Воду откачивать перестали, и она вся ушла в пустоты. Исчезло несколько речек, озер, в том числе болота Бино Бланко. Так что развернуться там теперь есть где, да и нарезанные просеки не зарастают. Сам увидишь.

— Как с поддержкой?

Казалось, капитан не услышал вопроса, он смотрел на экран ТВ-бокса, а потом вдруг сказал:

— Не женись, Томас. Это не для солдата. Был бы ты гражданским — другое дело, а солдат всегда в командировке, на службе. А эта сука там принимает всех подряд.

Брейн хотел напомнить про свой вопрос, но, видя страдальческое выражение на лице капитана, промолчал.

— Воздушной поддержки не будет. Если бы небо было открыто, мы бы пассажиров на винторамах перекинули. Но нельзя, эти подлецы жгут их, как бумажные игрушки. Так насобачились, что даже блоки РЭБ не помогают.

— А говорили, что они дикари.

— Дикари. А ты сам хоть одного видел?

— Только в прицел.

— То-то и оно. Мы видим их только в прицел, и они на нас тоже предпочитают смотреть именно так.

— И какой вывод?

— А какой тут вывод? Ехать в рейс — вот какой вывод. И не женись, пока не выйдешь в отставку. Да и то не гоняйся за молодыми, они тебе враз рога пристроят, твари крашенные. Найди разведенку с ребенком — вот тебе и семья будет.

— Я учту это, сэр. А как с разведкой?

— Как с разведкой? Хреново с разведкой — как всегда. Видели там, видели тут, наносят удар, но на месте уже никого нет. Они же скачут, как лоси.

— Ну хотя бы примерное количество.

Капитан допил пиво, потом закрутил пробку, рыгнул и забросил пустой баллон в угол.

— Есть такое понятие — статистическое присутствие противника. Так вот, сейчас на вашем пути будет шестьдесят пять процентов.

— Это мне ни о чем не говорит, сэр. С чем это можно сравнить?

— Ты же ходил на плато Винтор, правильно?

— Четыре раза.

— Вот там колебалось от пятидесяти пяти до семидесяти.

— Ага, теперь ясно.

Было еще темно, когда отделение в полном составе прибыло в столовую. После уличной предутренней прохлады хотелось усесться за чистыми столиками и вести неспешные разговоры за бутербродами с колбасой и сыром.

Слышался шум вентиляционных коробов и грохот кастрюль из кухни — повара поднимались раньше солдат, а суточная смена не ложилась вовсе.

— Эй, смотрите — шабашники, — заметил Леон, кивнув на выходявших из-за столов бойцов, одетых словно космонавты. Отделение лейтенанта Мози было лишь при оружии, их остальное снаряжение хранилось в броневишке, где и дезинфицировалось вместе с салоном для десанта, а шабашники не доверяли никому и повсюду таскались со своими брониками, связью, стволами. У обычных контрактников форма была цвета хаки, как и у броники и всей снаряды. Шабашники носили только черную броню, испещренную сероватыми шрамами и рубцами.

Где они располагались, было неизвестно, и на контрактных базах эти подразделения появлялись лишь эпизодически, останавливаясь для отдыха или дожидаясь срока начала операции.

Они ни с кем не разговаривали и на людях между собой не общались. Поначалу это считалось своего рода зазнайством, и кое-кто даже пытался вызвать их на драку. Но сами они не велись, а прыгать на вооруженных людей никто особенно и не пытался.

— Говорят, у них контракт впятеро дороже нашего, — сказал Ляминен, наливая себе кофе.

— Да по мне — хоть вдесятеро. У них раз в год весь состав меняется, — ответил Харви и принялся жевать бутерброд. По утрам у него не было аппетита, однако с пустым желудком на службу ехать не стоило.

— А я хотел бы попробовать, — признался лейтенант Моузер.

— Да ты сбрендил! Туда не пробовать едут, там все серьезно, Моз! — заметил ему Харви. — Это мы едем, как в казино, то ли встретимся, то ли пронесет, а там никаких «если», их бросают в конкретное пекло.

— И все равно хотелось бы проверить, каково это.

— Спроси Томаса, он собирался в шабашники, — обронил Ольсен.

— Нет-нет, я даже не собирался, — возразил Брейн. — Мне предложили в госпитале, но я отказался.

— Почему? — спросил лейтенант.

— Я считаю, что для такой работы недостаточно крут, Моз.

— Да ладно!

— Нет, правда. В шабашниках служат ребята, которые на все готовы пойти, чтобы только доказать себе свою крутость.

— Или из-за адреналина, — добавил Леон.

— Или из-за адреналина, — согласился Брейн.

— Ну что, идем на выход? — спросил Ольсен, заканчивая с завтраком.

— Ты как на свидание спешишь, — заметил ему Ляминен, продолжая проглатывать бутерброд за бутербродом и опустошая второй кофейник.

— Лям, а ты не рванешь, как шрапнельная граната? Десятый бутерброд впихиваешь, —

спросил Харви, которому утренняя еда давалась через силу.

— Это его успокаивает, — пояснил Брейн.

— Угу, — кивнул связист.

— В броневик залезет, сразу успокоится.

— Ну что, может, пора выходить? — снова напомнил Ольсен.

— Еще есть время, — сказал Леон, поглядев на настенные часы. — Чего там болтаться?

В столовую заглянул парень в бронике и шлеме и двинулся вдоль пустых столов, слегка переваливаясь и отставляя руки в стороны. Такую походку имели все, кто надевал тяжелую броню. Вот только шабашники в ней почему-то выглядели круто, а обычные контрактники — куда проще.

— Але, отделение Моузи! Вы чего тут расслаиваетесь?

— О, это Франтишек, водила «ноль шестого», — узнал его Брейн, поднимаясь из-за стола.

— А ты уже подогнал, что ли? — спросил лейтенант, тоже вставая и поглядывая на часы.

— Конечно, подогнал! — сердито ответил Франтишек и, смешно повернувшись, зашагал обратно.

Пока отделение Моузи завтракало, на улице почти рассвело. Напротив столовой уже стоял КТМ, его автоматическая пушка была зачехлена, фары горели в сигнальном режиме.

Когда бойцы подошли к машине, сердитый водитель выдержал паузу и лишь затем включил привод тяжелой двери. Она отъехала в сторону, а из днища поднялась ступенька, делая проход в салон совсем не обременительным.

— Здорово, Юган! — крикнул Харви и хлопнул по плечу штурмана-стрелка, который сидел на вращающемся кресле и на нем же поднимался на метр в башню, чтобы вести огонь, если заклинит автоматический привод пушки.

— Здорово, ратники, — ответил Юган и подставил ладонь, по которой хлопали все заходившие в отсек.

Последним зашел лейтенант. Дверь за ним сразу закрылась, и броневик резко взял места. Мози сел на ближайшее сиденье и, пристроив в зажим «сквоттер», спросил:

— А чего Франтишек такой вздрюченный?

— Не знаю, — ухмыльнулся Юган, вхолостую покручивая настройки навигатора.

— Может, его обули в картишки, как всегда? — уже громче спросил Мози.

— Я все слышу! — крикнул Франтишек.

— Чего ты нас раньше времени погнал, у нас было еще семь минут.

— Раньше сядете — раньше выйдете! Давайте залезайте в шкуру, а то чего мы с Юганом одни паримся!..

Лейтенант выдернул «сквоттер» из зажима и перебрался в глубь отсека, где на специальных растяжках ожидали хозяев расшнурованные бронезащитные комплекты. Солдаты их называли «броники», хотя это были комбинезоны с металлокерамическими элементами и кевларовой сеткой. Весила такая оснастка двенадцать килограммов, а со шлемом, связью и навигацией все пятнадцать. А еще три с половиной кило — «сквоттер», и четыре кило — боекомплект на полчаса боя плюс аптечка.

Поскольку места в отсеке было мало, в броню заскакивали поочередно, и, пока лейтенант добрался до своего броника, наступила его очередь.

Отпустив шнуровку, он ухватился за поручни и сунул обутые ноги в широченную горловину, а когда оказался на полу, просунул руки в распушенные рукава и выдернул затяжной шнур, после чего броник стал оседать, обхватывая все тело. Затем следовало подвигаться, чтобы затяжка броника ослабла, однако какое-то время человек испытывал дискомфорт, но постепенно начинал привыкать.

Облачившись в бронезащиту, бойцы приступали к проверке систем связи, навигации, работы датчиков состояния тела. Потом тестировали радиоподключение к «сквоттерам», работу системы наведения оружия.

Веселей всего это выглядело на Харви, с его автоматическим гранатометом и боезапасом весом в двадцать пять килограммов. Харви занимал два места в десантном отделении и жаловался, что ему тесновато. Иногда приходилось потесниться всем, когда ему приходило в голову срочно заменить боекомплект. Несмотря на то что такие бзики считались капризами гранатометчика, к ним относились с пониманием, потому что вменяемый Харви в бою был очень полезен и его огненная секира подчас работала лучше автоматической пушки КТМ.

На проходной броневик притормозил, но защитная плита уже открылась, и машина выехала за ворота, слегка качнувшись на роликовой рельсе.

— Вот мы и на оперативном просторе! — радостно произнес молчаливый Ольсен.

— Юган, что там с вводными? — спросил Брейн, который был уже в шлеме и защитных крагах.

— Сейчас выясним, — отозвался штурман. Через минуту на персональные экраны всех бойцов стала выходить информация с данными воздушной и спутниковой разведки — где и когда, в каком количестве были замечены подразделения противника. Или признаки их пребывания.

Под признаками подразумевались недогоревшие костры, тепловые следы в ночное время или тропы на сырой земле. То есть это была «песня ни о чем», как называли бойцы конвойных отделений подобные результаты.

Защитные панели иллюминаторов были открыты, и бойцы могли любоваться пейзажами через затемненные стекла. Отдельные дома, фермы, мотели — все это хозяйство существовало безбоязненно, в то время как базы прятались за четырехметровыми заборами с телеметрией, лазерными шокерами и электрошоковыми ограждениями.

Неужели партизаны питали особую страсть именно к базам?

Возможно, и на объекты частных предпринимателей они также совершали нападения. Временами только грабили, но бывало, что сжигали или взрывали то или иное заведение. Но не часто и не везде. И не обязательно близко к местам частых столкновений с бойцами компании.

Одним словом, невозможно было спрогнозировать, нападут ли они на очередное открывшееся заведение в течение ближайших тридцати дней или оно разрушится от жучка долгоносика — универсум добло, который с одинаковым удовольствием пожирал древесину, целлюлозу, пластики и нержавеющую сталь.

Там, где приходилось ехать по четырехполосным, забитым легковушками шоссе, КТМ перебирался на полосу пассажирского транспорта и снова мчался вперед, выбрасывая нелимитированное количество выхлопов, в то время как гражданские моторы перхали и чихали, задавленные природоохранными санкциями, узкими рестрикерами и удушающими фильтрами-регенераторами.

Спустя сорок четыре минуты КТМ соскочил на грунтовку и погрузился в районы пригорода и хаотической застройки нелегальных районов городка Завигадо. Здесь не появлялась полиция, курились наркотики и варилось нелегальное спиртное. Здесь вели бесконечные войны провинциальные бандиты, однако по сравнению с партизанами лесных зон они были младенцами, перевязанными розовыми ленточками.

Глядя из-под поднятого забрала на свирепые немые рожи на обочине грязной дороги, Брейн только улыбался — такими настоящими и непритворными выглядели эти побитые жизнью люди в потертой одежде.

Иногда кто-то из них швырял в КТМ бутылкой, и Брейн снова улыбался, сравнивая стук бутылки с грохотом кумулятивной гранаты с предвзрывателем, коварной штуки, сделанной для того, чтобы многослойная броня не сработала и пропустила внутрь пиропластический поток газогазовой взрывчатки объемного действия.

Пока он только рассуждал на эту тему, ведь на его памяти такой заряд КТМ не дырявил, а когда дырявил, десанта внутри не оказывалось — он выгорал без возможности провести анализ ДНК.

Почему до сих пор чудо-граната не встречалась Брейну? Он не раз думал об этом. Брейн верил в личную удачу, однако не считал ее совсем безразмерной, потому и отправлял отказы на все письменные приглашения в шабашники.

Своим сослуживцам он об этом не сообщал и часто среди ночи заходил в свой почтовый аккаунт, чтобы избавиться от предположений «Извините, не интересуется. Всех вам благ».

Закончились трущобы и потянулись грунтовки — глубокие колеи, проложенные в болотистой почве. Где-то виднелись следы борьбы за обессиленные авто — развороченная земля, срезанные ветки и стволы молодых деревьев. Вскоре исчезли всякие следы, лишь пара наполовину утонувших остовов со снятыми стеклами.

КТМ начал просаживаться, как корабль на волнах, но движения не замедлил, он был слишком хорош, чтобы пасовать перед бездорожьем. КТМ умел многое и был рассчитан на куда большие трудности.

Неожиданно броневик сбросил ход и пошел направо, подпрыгивая на пересечении накатанных колеи. Мелькнула мачта радиосвязи, грубый бетон литых бронекорпусов — отделение прибыло к порту «Салема», куда доставляли по воздуху пассажиров и оборудование, чтобы дальше отправить их по земле.

Подпрыгнув в очередной раз, КТМ выбрался на бетон портового отстойника, где происходили всякого рода загрузки-перегрузки.

— Приехали, команда! — прокомментировал водитель Франтишек и включил привод двери, выпуская лейтенанта.

— Оставь пушку-то, чего таскаться будешь, — сказал ему Леон.

— По инструкции не положено, — буркнул Мози, исчезая в проеме со своим «сквоттером». Дверь сейчас же закрылась — Франтишек тоже действовал согласно инструкции.

— Он прав, — кивнул Брейн. — Среди пассажиров попадают разные скандальные чины, могут телегу накатать, и это влетит в большой штраф.

— Эй, среди пассажиров есть ничего себе особы, — подал голос Леон, и все сразу заскребли крагами по забралам, чтобы лучше видеть через узкие иллюминаторы.

— А мне отсюда лучше видно! — похвастался штурман, поднявший кресло в пушечную башню.

— Ну и как там? — спросил Леон.

— Парочка козочек имеется. Одна рыженькая, бодренькая, но в очках.

— Значит, умная, — вздохнул Леон.

— А чего ты хотел, это ж спец. Туда дураков не берут, — заметил Ольсен.

— Дураков только к нам подгребают, — ехидно заметил Ляминен.

— Все, ваш лейтенант возвращается! — сообщил штурман. Франтишек включил привод двери, и броневик слегка качнулся, когда Мози шагнул на ступеньку. Дверь закрылась, и сразу запустился двигатель.

— Ну что, идем на маршрут? — уточнил Франтишек. В ближайшие пару часов им предстояло ехать по вполне благополучной местности и только потом, в долине, выбирать дорогу по своему усмотрению.

— Да, теперь можно расслабиться на какое-то время.

— Сколько пассажиров? — спросил Брейн.

— Девятнадцать человек в двух «кассиопеях». Водители опытные, не первый год работают.

— А платформа?

— Платформа автоматическая.

— Сорокотонка?

Мози вздохнул.

— К сожалению, шестьдесят пять.

— Да ё-моё! — воскликнул Франтишек, только начинавший успокаиваться. — Автомат, да еще тяжелый! У него же ограничение скорости! Он будет на хвосте болтаться, и ни туда ни сюда!

— Да ладно тебе орать, — одернул его штурман Юган. — Может, мы еще по чистому пройдем и сразу на буровую — пиво пить.

— Ага! Скажи еще, с девками-пассажирками!

— Прижмет — сбросим их и уйдем.

— Как же! У этого тяжа небось приоритет высшей категории! Лейтенант, проясни!..

— На дорогу смотрите! — в свою очередь заорал Мози.

Примерно с минуту ехали в полной тишине. Слышно было, как жужжат электрические приводы и порывается дизель на низких оборотах.

— Приоритет платформы — высший, — сообщил лейтенант, и все приняли это к сведению без единой реплики. Это была плохая новость, и она означала, что в случае нападения за это оборудование нужно драться, как за живых людей, и тянуть за собой машину, управляемую компьютером, которую нельзя заставить пустить приводы вразнос, чтобы вырваться из засады.

Компьютер был умен и рационален, и он понимал, что деньги компании нужно беречь, поэтому никаких сверхкритических режимом, ведь это увеличивало расход топлива и значительно сокращало ресурс. А потому — оптимальный режим и лишь иногда форсажные нагрузки. Но очень редко и недолго, например при попадании в глубокую яму.

В корме КТМ находился запас еды, воды и узкая ниша с пластиковой дверцей, которую на флотский манер называли гальюном. Однако в рейсе ею не пользовались, поскольку в состоянии боевой готовности у солдат была совсем другая физиология.

На регламентированном участке бойцы дремали, слушали музыку и старались не перегружать себя посторонними мыслями. Дорога была отменной, асфальт сменялся укатанной грунтовкой, потом снова начинался асфальт, провоцируя конвой на большую скорость.

Пару раз Мози запрашивал диспетчерский пункт района, чтобы напомнить о себе. Там отвечали дежурно: конвой «два-восемнадцать», мы вас видим. И на этом — все.

Когда безопасная зона закончилась, колонна выполнила маневр «тещин язык», обходя бетонные плиты, игравшие роль замедлителя перед блокпостом. Но и за этой границей они какое-то время ехали мимо частных домов с садами и клумбами, а затем, накренившись, КТМ скатился вправо, сразу погрузившись в высокий кустарник с мелкими фиолетовыми цветами.

В воздух взвились тысячи насекомых, из-под колес бросились прочь ящерицы, грызуны и змеи, которым броневик спутал все планы.

Проехав еще пару сотен метров, КТМ врезался в стену зарослей, и по броне застучали куски ломких лиан.

— Как дела, Франтишек? — спросил лейтенант.

— Еду по компасу, блин, — ответил тот, глядя на молотившую по лобовому бронекварцу бурую стену. Заросли в здешних местах были не просто густыми, а практически непроходимыми, если под рукой не было виброножа или простого мачете. Густота подлеска компенсировалась хрупкостью молодых побегов, которые были перекачены сыростью и почти что взрывались от любого прикосновения.

— Внимание, вы входите в зону враждебной активности! — прозвучало в наушниках.

— Я «два-восемнадцать», требуется обновление разведки.

— Обновления отсутствуют. Повторите запрос через некоторое время.

— Через какое именно? Через полчаса что-нибудь появится?

— Такой информацией мы не располагаем. Но если появятся новости по вашему району, мы непременно сообщим вам.

— И на том спасибо, — буркнул лейтенант.

— Подставляют они нас, — заметил Леон доставая свой «сквоттер» из зажимов. Его примеру последовали остальные, теперь они должны быть наготове.

— Лейтенант, я запускаю «голубя»!

— Давай, Юган.

Штурман щелкнул тумблером, и из потолочной шахты с хлопком выскочил снаряд, который развернул крылья и понесся вперед, набирая высоту. Вскоре у всех на экранах появилась панорама, которую передавал беспилотник. Лес, болота, несколько озер и глинистые перешейки, по которым можно пройти через топи. Об этих переправах знали и партизаны, поэтому минировали их и выставляли засады.

— Начальник, я возьму правее, там воды поменьше! — сообщил Франтишек.

— Давай, — согласился лейтенант.

Тем временем беспилотник развернулся и пошел в обратную сторону. Теперь все могли видеть раскачивающийся на буром лугу КТМ и шедшие следом транспорты.

«Кассиопеи» бежали легко, а тяжелую платформу с закрытым тентом грузом швыряло из стороны в сторону. И это они еще медленно ехали, километров двадцать пять в час. Что будет, когда придется прибавить?

— Почему бы им не посадить на платформу какого-нибудь Фратишека? — спросил Ляминен, ожидая возражения от водителя, но тот промолчал.

— Потому, что эти платформы с материка Зеппель, — пояснил Ольсен. — Там нет никаких партизан и они на автомате ползут пятьсот километров, сбрасывают груз, берут новый и снова вперед. Делать пилотируемую модель дорого, поэтому используют то, что уже имеется.

— Это понятно. А чего они тогда присваивают такую категорию грузу на неполноценном тягаче?

— По той же причине — денег жалко. Хотят заставить нас сберечь дорогое оборудование.

«Голубь» делал круг за кругом, уносился к горизонту и возвращался, принося все новые и новые панорамы. Где-то клочки леса с подозрительными тропками — то ли диких курманов, то ли партизан, — где-то намытый песок из водозаборной канавки — их оставляли на месте стоянок те же партизаны.

Беспилотник проходил на высоте шестисот метров, скорость имел приличную, но разрешение панорам хромало — хорошей четкости облегченные электронные объективы дать не могли. Следовало либо уменьшить скорость аппарата, либо задать другую высоту, лучше — метров двести. Но тогда противник мог сбить его точным выстрелом из винтовки или отрубить электромагнитной гранатой, импульс которой сжигал микросхемки слабеньких аппаратов.

Против КТМ такая граната, конечно, не годилась, электрозащита там была будь здоров, однако беспилотник валился колом, даже если конус расходящегося импульса задевал его по касательной.

По высотным целям били из винтовки, а вот по низколетящим как раз электромагнитными гранатами.

— Ну что, начальник, снизим высоту до полтораста? — предложил Юган.

— Нет, сбавь скорость вдвое, — ответил лейтенант.

Штурман отправил изменения режима, и аппарат, дойдя до горизонта, развернулся и пошел медленнее. Стало видно больше подробностей: старое кострище, коробка от консервов, разбросанные ветки старой лежки. Все это были признаки присутствия партизан, однако уже давнишние.

Между тем относительно открытая местность заканчивалась, колонне предстояло зайти в лес, где видимость была почти нулевая и опираться можно было только на беспилотник.

Разбивая пеньки и разламывая свалившиеся деревья, КТМ первым прокладывал дорогу, а за ним, накатывая колею, двигались остальные, так что после прохода конвоя оставалась заметная и достаточно благоустроенная дорога, по которой могли проходить даже гражданские грузовики.

Однако природа материка Онтарио пустоты не терпела, и за неделю свободное пространство закрывалось наполовину. За месяц растительность полностью восстанавливалась, и только по более свежему цвету зелени можно было определить, куда направлялись предыдущие караваны.

Большинство из них тянулись на юго-восток, пересекаясь, расходясь и снова выходя на то же направление. Это означало, что партизаны уже привыкли к этому маршруту и паслись неподалеку, вооружившись акустическими пеленгаторами, а то и сетью датчиков, чтобы вовремя отследить и перехватить очередной конвой.

Там, где конвои не дошли до места, свежезеленые полосы заканчивались ярко-зеленым пятном, означавшим, что на месте боя была толчея. А случалось, что веером расходившимися полосами, когда транспорты разбегались кто как мог.

Те, кому повезло, вели свои зеленые линии дальше, а другие оставались среди молодого леса, чернея обугленными островами.

Получая такие картинки, бойцы конвоев уже научились не концентрировать на них внимание, проскакивая взглядом дальше в поисках возможных засад.

Несмотря на то что система обнаружения и наведения обладала способностью просеивать видеоинформацию по десяткам параметров, несколько пар человеческих глаз были нелишними. И часто случалось, что там, где техника ничего не видела, человек каким-то внутренним чутьем опознавал замаскированного противника. Причем это свойство в каждом наблюдателе усиливалось, если наблюдение вели несколько человек.

Чтобы не упрощать жизнь партизанам, лейтенант приказал Франтишеку изменить маршрут, и они двинулись правее на сорок пять градусов, в самую гущу леса, да еще в гору, однако это позволяло сбить противника с толку.

— О нет! Только не это! — воскликнул вдруг Юган и принялся молотить по обрезиненным клавишам вводного устройства.

— Что такое? — встревожился лейтенант и вместе с ним все солдаты.

— Да это долбаное обновление оперативной системы! Только что пришел пакет, и оно начало обновляться!..

— Что значит начало обновляться, мы же в рейсе?!

— Мы в рейсе, и у меня стоит галочка в пункте «обновлять по разрешению», но эта хреновина стала делать все автоматически!..

— Сколько времени это займет?

— Зависит от размеров пакета!

— Ну так посмотри, какой пакет!..

— Семьсот терабайт.

— Долбаный ты штурман, Юган! — закричал лейтенант, вскакивая. Он стал беспомощно оглядываться на узкие иллюминаторы, однако с обеих сторон был только лес. Ветки скребли по броне, осыпаясь листьями, ломались огуречные плетучки, забрызгивая стекла мелкими семенами.

— Да почему я долбаный?

— Потому что не подготовил технику к выходу надлежащим образом!..

Юган не ответил.

— Маршрут не меняем? — спросил Франтишек.

— Не меняем, — еле сдерживаясь, ответил Мози. — Сколько там процентов?

— Семь, — ответил Юган, который под своим шлемом исходил от волнения потом. Сейчас они были совершенно слепы, и оставшийся без связи беспилотник мотал парковочные круги, дожидаясь, когда появится связь с базой.

А маркер обновления двигался на удивление медленно, как будто это была какая-то диверсия.

Брейн представил, каково сейчас пассажирам. Наверное, неплохо. Они, конечно, волновались, понимали, что прогулка через джунгли небезопасна, однако сейчас их неведение спасало их нервы. А еще им можно кушать, и он слышал, что, нервничая, пассажиры, бывало, умолачивали недельные запасы чипсов или там шоколада.

— Двадцать два процента! — радостно сообщил Юган, после того как маркер стал двигаться быстрее.

Неприятная ситуация. Экраны оставались темными, смотреть было некуда, и оттого стали обостряться другие чувства, например слух — стук падающих на броневик веток и лиан стал казаться более громким. А еще все эти скрежеты, волочения. Брейн казалось, что он может ощущать колючие стебли лиан и шершавую кору смолистых веток, а еще прохладную травку с ядовитыми синими цветочками, которая гладила поцарапанное брюхо броневика.

Вот попался небольшой булыжник и, выскользнув из-под колеса, ударил по корпусу.

Брейн буквально почувствовал, как от этого звука воздух зазвенел от напряжения — все ожидали самого худшего.

Внезапно появился белый свет! Брейн не сразу понял, что в углу забрала загорелся экран, возобновляя трансляцию с беспилотника.

— Опа! Закончили! — радостно воскликнул Юган и отдал команду беспилотнику «возвращаться на ноль».

— Отлично! Теперь мы с глазами! — с облегчением произнес лейтенант. Беспилотник спешил «встать на ноль», он слишком отклонился за время круговой парковки, но вдруг панорама перекосилась, пошла косыми полосами и начала вращаться.

— Сбили! Его сбили! — воскликнул Леон.

— Ясно, что сбили, вопрос — откуда стреляли! Всем смотреть! Юган, выпускай второго «голубя»!

— Есть второго!

Снова послышался хлопок, и на экранах появилась новая панорама.

— Вижу тепловые следы! — фальцетом закричал Ольсен и ручным набором отметил точку, которую тут же увидели остальные.

— Похоже на то! — согласился лейтенант. — Юган, обработай!

Пушка поднялась почти отвесно и, балансируя на системе компенсаторов, по минометному отстучала пятьдесят выстрелов.

На покачивающейся панораме было видно, как огненные иглы в шахматном порядке обрушились в джунгли, разрывая мелкими осколками даже крепкие деревья. Выбитый квадрат как будто просел на фоне остального леса, а в воздух поднялись клубы испаренного древесного сока.

— Вижу две тепловые метки прямо по курсу! — сообщил Брейн.

— Подтверждаю! — сказал Леон.

— Я тоже что-то такое вижу... — добавил Ольсен.

Пушка ударила цепочкой снарядов в указанном направлении, и КТМ ушел левее на двадцать градусов. В ответ ударил миномет, и мина едва не вспорола корму автоматической грузовой платформы.

— Але, ответьте «гринде-один». Что там у вас происходит, ребята?

Это был водитель ближайшей к броневика «кассиопеи».

— Обычная работа, «гринда-один». Будет припекать — мы сообщим.

— Эй, ребята, это что за дела?! — пробился в эфир «гринда-два».

— Мы контролируем ситуацию, парень, — ответил лейтенант Моузер.

— Ни хрена себе контролируете! Да там грузовику чуть жопу не оторвало! Осколками так хватануло, что пассажиры забеспокоились! Что мне им сказать?

— Скажи — раннее зажигание!

— Да у меня электроход, какое зажигание?

— Скажи и все. Они что, разбирают, какой там у тебя ход?

Спор был прекращен, когда рядом за бортом КТМ рванула граната. Франтишек выругался и взял еще на десять градусов левее.

— Вижу цепочку тепловых следов правее по курсу десять градусов! — сообщил Ляминен.

— Да там не цепочка, там целый массив! — возразил Ольсен.

— Жопа полная, а не массив, — пробурчал Харви. — Мози, они нас перехватить хотят!..

— Вижу, — обронил лейтенант, а Юган, не дожидаясь команды, включил на обработку засвеченный следами район.

Пушка застучала в ускоренном режиме, и Брейн практически чувствовал, как облегчался боезапас, уложенный в обширных потолочных полостях.

— Франта, давай на максимум! — крикнул лейтенант, и КТМ рванулся вперед, валя все попадавшие деревья. За ним, визжа электроприводами, рванули тяжелые «кассиопеи» и в меру своих возможностей шестидесятипятитонный грузовой автомат.

Те, кто охотился за конвоем, находились выше на холме и, прекрасно видя маневры колонны, со знанием дела корректировали огонь. Расположенные на склоне минометы дружно ударили по колонне, и мощные разрывы загрохотали совсем рядом, а пара крупных осколков засела в толстой шкуре броневика.

— «Гринды», как вы там? — спросил по радио лейтенант.

— Идем нормально, сосед за мной, — сообщил «гринда-один».

— А что платформа?

— Я ее не вижу! — сообщил «гринда-два». — Должно быть, совсем остановилась, сволочь!

— Как остановилась?! — воскликнул Мойзи. — Тормози, Франтишек!

— Да на хрена же? — возопил тот, однако машину остановил, и в тот же момент в двадцати метрах впереди по курсу ухнули три двухсотмиллиметровые мины, расшвыряв деревья и выкопав в земле пятиметровой глубины воронки.

— Обдурили дурака на четыре кулака! — прокричал Юган и истерично захохотал.

Подпрыгнувший на взрывной волне беспилотник выдал панораму — тяжелая платформа догоняла вставший конвой.

— Все, можно двигаться! Давай десять градусов правее! — крикнул лейтенант, и Франтишек дал полный газ, снося все новые деревья и заливая лобовой бронекварц древесным соком.

Около минуты все шло хорошо, КТМ прорывался сквозь заросли, а «кассиопеи» старательно подпирали его корму, однако тяжелый грузовой автомат постоянно зависал на поворотах и даже полуповоротах. Да что там полуповоротах, он тормозил даже в точках коррекции, где направление менялось всего-то на полтора градуса.

— Борт «два-восемнадцать», согласно последним данным разведки, в районе вашего фактического нахождения возможно присутствие больших соединений противника — от пятидесяти до двухсот.

— Спасибо, козлы поганые! — не удержался Мози. В тот же момент по конвою пришелся очередной залп, и одна из мин ударила в корпус второй «кассиопеи».

— Я «гринда-два», поражен отсек зарядки, теряю ход! Пассажиры в панике!

— Видим вас, «гринда-два», держим ситуацию под контролем! Если понадобится помощь — мы рядом! — ответил лейтенант.

А что еще он мог сказать? С высоты беспилотника было видно, что второй пассажирский броневик оставляет за собой шлейф черного дыма, и это было идеальным ориентиром для нового залпа.

— Юган, сделай что-нибудь! — крикнул Мози, и штурман начал вслепую обстреливать то, что выглядело как позиции минометов противника. — Опустит «голубя», ничего не видно!

Штурман ввел новые данные, и беспилотник пошел ниже, сразу обозначая вражеские позиции, однако спустя несколько секунд взрыв электромагнитной гранаты вывел его из строя, и панорама стала темной.

Снова хлопнула выпускная шахта, и третий «голубь» вырвался на свободу, а пушка уже обрабатывала точки, замеченные предыдущим.

— Мы горим, начальник! — проорал по радио водитель второй «кассиопеи». И он не лгал. Похоже, им прилетел еще заряд, и теперь дым от коптящего броневика застилал половину панорамы, выдаваемой третьим беспилотником. Требовалось срочно пересаживать пассажиров из подбитого транспорта.

— Давай мы с Харви высадимся, а вы нанесите визит на холм! — предложил Брейн.

— Хорошо! Франтишек, давай левую дверь и скорость не сбрасывай!..

— Понял!

Дверь сдвинулась, и Брейн с Харви один за другим выскочили наружу. Скорость была не больше двадцати километров, поэтому они влетели в кустарник достаточно мягко и сразу вжались, пропуская идущие следом «кассиопеи». Вскоре пассажирские транспорты стали притормаживать, и горячая начала обходить первую слева. Автоматическая платформа, замыкавшая колонну, непонятно дернулась и тоже остановилась.

— Давай на ту сторону! — крикнул Брейн, и они с Харви перебрались по свежей просеке на опасную сторону, откуда мог появиться противник.

Между тем, жужжа приводами и рыча дизелем, КТМ упрямо карабкался по склону и бил из пушки по обнаруженным точкам. Такой дерзости партизаны от конвоя не ожидали и притихли, занимая новые позиции и выжидая, когда экипаж броневика совершит ошибку.

Из горящей «кассиопеи» людей спешно перебрасывали в уцелевшую. Они скакали с мостка на мосток, орали от страха, но тащили с собой чемоданы.

Прожужжал беспилотник, и по нему захлопали выстрелы из винтовок — совсем рядом,

метрах в пятидесяти выше по склону. Однако промахнулись, и панорама на персональных экранах лишь дернулась, но не погасла и показала, как рванул боезапас одной из огневых точек, когда туда прилетели снаряды КТМ.

— Что будем делать? — спросил Харви, держа наготове гранатомет. — Пуганем?

— Подожди, мы не знаем, сколько их.

— Томас, как вы? — спросил по радио лейтенант.

— Нормально, пасем тут группу.

— Большая группа?

— Пока неизвестно, но, похоже, сейчас выползут к просеке.

— Мы тут за камни заглянем и обратно.

— Хорошо, ждем.

Похоже, «за камнями» что-то нашлось, и пушка застучала на максимальной скорострельности.

В просвете впереди показались согнутые силуэты, и Брейн от пояса полоснул длинной очередью. Потом они с Харви припали к земле, и очень вовремя. Из леса ударил огненный шквал из дюжины стволов, и крупнокалиберные пули выкосили целые туннели.

— Давай, — скомандовал Брейн в наступившей паузе. Они поднялись и открыли ответный огонь.

Гранаты Харви стали рвать все подряд, испаряя древесный сок и превращая листья в зеленый порошок. Брейн израсходовал один магазин на сотню патронов и подцепил другой, а Харви истратил полсотни гранат.

В наступившей очередной паузе Брейн посмотрел на персональный экран и увидел, как от выбитой ими проплешины разбежались бойцы противника.

— Мы возвращаемся! — сообщил лейтенант.

— Отлично, ждем, — ответил Брейн. Похоже, свою задачу они выполнили.

Беспилотник заложил вираж, демонстрируя, как КТМ скачет под гору, подволакивая распотрошенное миной колесо.

Весь холм теперь был исполосован его просеками, а в нескольких местах еще дымились уничтоженные позиции врага — небольшой лагерь, стоянка и минометные посты.

— Томас, подтягивайтесь к транспортам, мы выйдем перед ними! — сообщил лейтенант.

— Понял! — ответил Брейн, и они с Харви стали пятиться к дымящейся «кассиопее», на которой почти прекратился пожар, однако восстановлению эта машина уже не подлежала.

Автоматическая платформа дисциплинированно стояла на месте, ожидая, когда электронные маяки перед ней снова начнут двигаться.

Ломая все на своем пути, к транспортам вернулся КТМ, и в ту же секунду на панораме Брейн увидел едва заметные бурые точки, которые посыпались на просеку.

Противник понял, что добыча уходит, и перестал прятаться.

— Харви! — крикнул Брейн, вскидывая «сквоттер», однако Харви опередил его и начал поливать все пространство просеки, покрывая его ярко-красными вспышками гранат.

Брейн тоже стрелял не останавливаясь, а опустошив один магазин, вставлял другой и снова стрелял, выкашивая лес слева и справа, чтобы никому и в голову не пришло преследовать их.

— Все, вы молодцы! Отходите! — скомандовал лейтенант, и пушка КТМ открыла огонь, прикрывая Брейна и Харви.

Они заскочили в открывшуюся дверь, и Франтишек дал полный газ, заставив рвануться следом уцелевшую «кассиопею» и автоплатформу.

Брейн с Харви заняли свои места, ничуть не беспокоясь, что перепачкают древесным соком обивку отсека. Потом здесь уберет специальный персонал, а пока они стали быстро пополнять израсходованный боезапас.

У Брейна еще оставалась пара магазинов, а Харви расстрелял все и теперь его ранец был пуст.

— Хорошо постреляли, ребята, — заметил Леон.

— Хорошо, — выдохнул Брейн. Затем достал из ЗИПа специальную салфетку и протер ею забрало, отчего маленький мир вокруг него перестал плыть из-за слизистой пленки.

А салфетка задымилась, переваривая своими физико-химическими наполнителями носителей вредоносного генетического кода. Такие салфетки были абсолютно дезинфицирующим средством, и самым верным, казалось, было сделать из них одежду, но, увы, этот дезинфектор мог изменять генетическую структуру человека, и на первых испытаниях были получены ужасающие незапланированные результаты, которые были надежно закрыты за семью секретными печатями.

С той поры — только салфетки и только на короткое время. А затем их снова убирали в ЗИПы за титановые мембраны.

Минут пятнадцать все напряженно следили за панорамами, которые выдавал третий за сегодня беспилотник, но партизаны как будто отстали или готовили впереди очередной сюрприз.

— Эй, толпа! — обратился ко всем Юган. — У меня после обновления в углу новое

окошко образовалось!..

— Закрой его на хрен, — буркнул Ольсен. Он всегда плохо переносил рейс, в котором не удавалось пострелять. Не то чтобы он любил стрелять или бросаться на партизанские минометы, но сидеть и бездействовать для него было страшнее.

— Не, ну правда! Раньше этого окна не было, а теперь окно и какая-то «диаграмма готовности удара». Что это такое?

— Смотри инструкцию, раздел «обновление оперативной системы и разрешенных вложений», — посоветовал лейтенант, чтобы только Юган перестал болтать. Они все еще были в опасном районе, и то, что удалось отбиться, потеряв одно колесо и «кассиопею», еще ни о чем не говорило.

Неподалеку грохнул взрыв, и по корпусу КТМ ударили осколки.

— Главный, это «гринда-один». У меня два мотора накрылись! — пожаловался водитель «кассиопеи».

— Что там? — отозвался лейтенант недовольным голосом.

— Мина под брюхо залетела!.. Клиенты обосрались, а два мотора вырвало!

— Как вырвало?!

— Да так! У вас в корме мой ротор торчит!..

Беспилотник с запозданием показал оседавшее облако распыленного грунта там, где мина настигла «кассиопею».

— Двести миллиметров, — произнес Леон.

— Давай ползи и не жалуйся, у тебя еще шесть моторов осталось! — ответил лейтенант. — У нас вон тоже колеса нет, но мы ползем!..

Водитель «кассиопеи» не ответил, видимо, обиделся.

— Да и хрен с ним, Мози, — поддержал лейтенанта Брейн. — Было бы о чем переживать. Вот если оборудование встанет, тогда будет задница — придется оборонять до подхода эвакуаторов.

— Я о таких случаях только слышал, — заметил Ляминен. — Обычно начальство дает разрешение двигаться дальше.

— Обычно дает, но не всегда бывает обычно, — мрачно произнес Ольсен и шумно вздохнул.

Где-то неподалеку снова ударила мина, и броневнику досталось осколками. Правда, не так сильно, как в момент удара по «кассиопее». Еще бы минут пять спокойной дороги, и они бы вышли из района поражения, а пока случайная удача партизанских минометчиков могла закончить эту экспедицию одним точным попаданием. От двухсотмиллиметрового фугаса не спасала никакая броня, он просто сплющивал броневик своей взрывной яростью, и на этом гонка прекращалась.

Чтобы сбить артиллеристам прицел, Франтишек взял немного правее, прорубая просеку чуть в гору.

Маневр оказался правильным. Очередная мина ударила туда, где сейчас бы находилась колонна, не прими водитель верное решение.

— Молоток, Франта! — похвалил его лейтенант.

— Не, ну что это может быть, а? Эта «диаграмма готовности удара» показывает уже сорок процентов готовности, — напомнил о себе Юган.

— Щелкни по окошку, может, покажет разъяснение, — предложил Леон.

В этот момент панорама беспилотника, следовавшего за колонной, захватила справа от себя нечто большое и массивное. Автопилот «голубя» тотчас заставил аппарат заложить вираж, и вскоре беспилотник показал распластанную над джунглями сдвоенную тарелку винторамы «Элевара», которая шла на высоте метров пятидесяти и провоцировала огонь партизан.

По брюху этого неуязвимого монстра колотили не только винтовочные пули и бронебойные жала автоматических пушек, но и гранатометные кумулятивные снаряды, высекая искры и оставляя в лучшем случае только небольшие подпалыны. «Элевара» была почти мифическим существом, и до сих пор бойцы отделения о ней только слышали. Стоила она, по слухам, безумно дорого, поскольку пока уничтожить ее можно было только тактическим ядерным зарядом или лазерной космической пушкой, которая в атмосфере мало что могла сделать.

Вскоре по проявившимся позициям ударили пушки «Элевары», настигая каждого, кто осмелился выстрелить и попал на запоминающие устройства системы наведения.

Вся провокация и зачистка территории заняли у этой совершенной машины всего полминуты, и она ушла вперед, неспешно проплывая над беспокойными джунглями.

— Вот это я понимаю! Вот это средство так средство! — воскликнул Леон.

— Зачем тогда нас гоняют в пекло, если «Элевара» существует на самом деле? — удивился Ольсен.

— Вы же знаете, что это лишь экспериментальная машина и сколько стоят ее фасеточные плиты, — напомнил лейтенант, поскольку именно через него отделение узнало о чудо-машине.

По инструкции он был обязан сохранить эти сведения в тайне, они были доступны лишь офицерам, посещавшим совещания штаба компании. Однако Мози считал это нечестным. Впрочем, другие командиры отделений и взводов рассуждали так же. В конце концов, ну какой тут секрет, если машину уже всю испытывают в реальных боях?

— Иначе бы, конечно, они тут возили пассажиров, а нас бы погнали в отставку.

— Нет, в отставку нас не отправят, — возразил Брейн. — Тут на Галилео еще полно работы. Одна Родезия чего стоит.

— А что там в Родезии? — спросил Ляминен.

— Я сто раз рассказывал.

— А я сто раз уходил по надобности.

— Ты только мне рассказывал, — сообщил Харви. — Когда мы с тобой в Рубенпорте на двое суток в баре зависали. Никаких девок, только игровые автоматы и море пива.

— Это на меня пиво так плохо влияет? — удивился Брейн. — Что-то раньше я такого не замечал.

— Это было не просто пиво, а пивной напиток «Бригантина» — по три ранда за литр.

— Черная такая?

— Во-во, — кивнул Харви. — Вот под эту «Бригантину» ты мне про Родезию сто раз и рассказывал.

Машину тряхнуло на подвернувшемся бульжнике, и все схватились за поручни, приняв встряску за попадание мины, но тут же облегченно перевели дух — показалось.

— Она пишет: «Выберите область применения», — сообщил вдруг Юган.

— Чего? — не понял лейтенант.

— Ты говорил — ткни в окошко, я ткнул...

— И что?

— Появилась надпись — «выберите область применения».

— Выбери «вопросы по истории»! — предложил Франтишек и сам заржал.

— Придурок, тут дело серьезное! Нужно же знать, чего нам тут понаустанавливали, нам же с этим как-то выживать придется!..

— Эй, да там дым! — воскликнул Леон.

— Это тебе не дым, это целые тучи дыма! — столь же эмоционально поправил его Харви.

— Ох ты! — воскликнул Франтишек.

— Левей бери! — крикнул лейтенант, невольно привставая, как будто это могло ему помочь заглянуть за дымный шлейф. — Юган, дай ему команду идти вокруг очага!

— Он уже сам пошел — автоматически.

И действительно, панорама качнулась, и беспилотник начал поворот, чтобы обойти широким кругом и не попасть под возможный огонь с земли.

Акустические датчики беспилотника начали передавать звуки частых выстрелов и рвущихся гранат. У дымного очага начинал разгораться бой.

— Это «Элевара» или что? — спросил Ляминен.

— Похоже, — согласился Брейн.

Беспилотник повернул еще немного, и теперь уже все увидели похожий на восьмерку сплюснутый корпус винторамы, задний корпус которой был поврежден каким-то мощным оружием, и из этой пробоины валил черный дым. Вместе с тем было видно, что машина не рухнула, а лишь аварийно приземлилась, поскольку стойки шасси были штатно развернуты.

Вокруг подбитой машины рвались гранаты, стартовавшие с ручных установок метрах в пятистах ближе к холмам. Однако даже те из снарядов, которые попадали в корпус «Элевары», не наносили ей заметного вреда, и оставалось только гадать, каким же образом удалось пробить ее защиту.

— Я вижу пехотинцев! — сообщил Юган. — Можем ударить по ним, там скопление из сорока штук!

— Нельзя, наш боезапас небесконечный, — остановил его лейтенант. — Только если распорядится администрация района.

— Или экипаж запросит помощи, — добавил Брейн.

— Или так, — с неохотой согласился лейтенант. Если бы экипаж запросил помощи, пришлось бы тратить боезапас, а потом двигаться «голыми», ведь без пушки они были весьма уязвимы.

Опираясь только на Харви с его гранатометом и «сквоттеры» было рискованно.

— Они отстреливаются из аварийных башен! — заметил Юган. Беспилотник снизился, и теперь уже все видели, что на корпусе выдвинуты аварийные башенки с огневыми точками,

с которых не переставая били крупнокалиберные пулеметы.

Однако такая добыча была для партизан куда важнее, чем рядовой ускользящий конвой, и было видно, как из скрытых капониров поднимались легкие броневики, бежавшие друг за другом по одной из полузаросших просек.

— Их там слишком много, — сказал Брейн. — Захватят они эту чудо-машину.

— Не такая уж она и чудо, как оказалось, — заметил Ольсен.

Между тем в эфире было тихо и никто не просил помощи. Конвой двигался дальше, и уже когда стал проходить мимо места аварии — примерно в полутора километрах, — с юго-востока на горизонте показались три точки, которые быстро увеличивались в размерах.

— Жандармерия, — сразу угадал Леон.

— Точно! Летят и ничего не боятся! — согласился Юган. — Сейчас будут отбивать «Элевару»!..

Десантно-штурмовые винтокрылы с ходу открыли огонь из ракетных установок, и скоро все пространство, на котором оказалась «Элевара», покрылось черно-красными разрывами объемно детонирующих зарядов. Однако к этому партизаны были готовы, и навстречу бронированным винтокрылам потянулись белые ниточки противозенитных ракет.

— Вот это война! Хорошо, что мы не ввязались! — поделился переживаниями Леон.

— А я бы ввязался, — признался Ольсен.

— Так запишись к шабашникам, — предложил Харви, следя за действиями десантно-штурмовых винтокрылов, получивших несколько попаданий ракетами, однако не сошедших с боевого курса. Только левая машина стала чуть поддымливать одной из турбин, но это не помешало ей совершить посадку и выпустить солдат в черной броне.

— Не возьмут меня к шабашникам, я же не Томас. У меня только второй контракт, — сказал Ольсен.

— «Два-восемнадцать», это «жандарм-альфа»! Нам нужен ваш «голубь»! — раздалось в эфире.

— Что скажешь, командир? — спросил Юган лейтенанта.

— Отдай, им нужней, а мы нового запустим, — сказал Мози, понимая, что не поделится дроном — это уж совсем свинство.

— Хорошо, «жандарм-альфа», получай код — два ноля, тридцать два, двадцать восемь.

— Отлично, получил! — ответил «жандарм», и тотчас панорамы на экранах бойцов отделения погасли. Но тут же послышался хлопок, и через шахту выскочил очередной «голубь» — уже четвертый. И снова появилась свежая панорама, а шум битвы и столбы дыма стали утихать, теперь беспилотник разведывал дорогу впереди.

Минут пятнадцать конвой двигался без особых проблем, но вдруг машина подпрыгнула от дрожи грунта, а затем их настигла ударная волна, пришедшая сзади. Беспилотник швырнуло куда-то далеко вперед, и панорама стала хаотично вращаться. Потом дрон все же выпрямился и показал следы произошедшего — на месте поверженной «Элевары» поднималось огромное огненное облако. Чудо-машина была уничтожена.

Не успели бойцы отделения отойти от этой ужасающей картины, как неподалеку, над самыми деревьями, снова пронеслись три десантно-штурмовые винтокрылы, уносясь к горизонту.

— Похоже, это они ее и ликвидировали, — заметил Леон.

— Ясное дело, штука-то секретная, — поддержал его Юган.

— За этим и приезжали, — согласился Харви. — Жаль машину, такая она мне ладная

показалась, а тут раз — и продырявили.

— А потом раз — и взорвали, — добавил Ольсен. — Причем свои же.

— Слышь, лейтенант, пишет, что готовность полная, и опять просит выбрать район применения, — напомнил Юган о своей проблеме.

— А карта там прилагается? — спросил Брейн.

— Карта? Сейчас посмотрим.

Примерно через час конвой выбрался в спокойную зону, где партизанские соединения появлялись очень редко и никогда не рисковали перехватывать транспорты. А еще через полчаса КТМ выбрался на приличную грунтовку, которая вела к заброшенному теперь карьере промышленного известняка. Бойцы перевели дух, а разорванная шина перестала шлепать по дороге, когда Франтишек поднял четвертый мост.

Вся проходимость КТМ здесь уже не требовалась, как и дрон в воздухе, который благополучно спланировал на крышу броневика и встал на магнитный якорь.

Вскоре показали укрепленные ворота закрытой территории. Четырехметровый забор из бетона уходил в стороны от ворот и до ворот, а все пространство перед заграждением было обработано синтетическим репеллентом, уничтожившим навязчивую растительность.

Исключение составляла лишь устойчивая травка, которая, словно пушистое одеяло, покрывало разровненные бульдозерами площади.

— Хорошо они устроились, — заметил Леон, когда КТМ вкатился за ворота и остановился в кармане безопасности — отстойнике, в котором происходила окончательная идентификация транспорта, чтобы выявить возможную подделку партизан.

В прежние времена на территорию добывающих баз, бывало, прорывались управляемые фугасы весом в десятки тонн и уничтожали все вокруг, вплоть до последнего гвоздя, вынуждая компании проводить дорогостоящее восстановление оборудования или уходить совсем.

— Красивая травка, — поддержал Брейн. — В Гонукасте тоже имелась зона безопасности, но там было черным-черно.

— В Гонукасте мрачно, — согласился Харви. — Они, похоже, на химикатах сэкономили и просто сожгли все отработанной породой.

— Как это породой? — уточнил Юган, расслабляясь после выполненной работы.

— Отработанная порода пластического угля может гореть, если поджечь ее магниевой пашкой, — пояснил Брейн.

— Ничего себе! А по виду — просто булыжники.

— А ты думал, почему им дороги не мостят? Столько строительного материала, а он даром валяется в отвалах.

— Тогда бы партизаны конвой прямо на дорогах зажаривали, — сказал Ляминен.

По броне КТМ хлопнули ладонью, что означало — приборный контроль пройден. Спереди опустилась бронеплита, и КТМ стал рулить по извилистому выходу из рассеивающей воронки, в центре которой находился карман безопасности.

В случае проникновения в карман заминированного автомобиля и его подрыва бетонные стены разлетелись бы в пыль, но взрывная волна ушла бы вверх по склонам воронки, отлитой вокруг кармана. Сверху это выглядело как кратер, но кратер был рукотворным.

Следом за КТМ в карман зашла «кассиопея», где водитель вытирал платком пот и не мог поверить, что удалось прорваться. Его напарник сидел рядом на запасном сиденье и таранился в окно. Он молчал уже целый час, погруженный в собственные мысли.

Пассажиры также вели себя по-разному: одни оживились, радуясь окончанию ужасного пути, другие продолжали вздрагивать, все еще не веря, что испытания закончились.

КТМ стоял на внутренней дорожке, ожидая, когда выйдут все транспорты. Наконец

показалась автоплатформа, которая тут же обошла «кассиопею» и КТМ, направившись к разгрузке. На базе она действовала по собственной программе и чувствовала себя как дома.

Освободившись от коконов бронекombineзонов и оставив в стойках броневика тяжелые «сквоттеры», бойцы отделения выбрались на площадку в одних серых поддевках, промокших от пота.

Несмотря на то что, кроме Брейна с Харви, все остальные машину не покидали, поддевки у всех были пропитаны потом одинаково, ведь пока одни бегали и стреляли, другие в напряжении ожидали приказа на отражение атаки.

— Ой, как хорошо! — произнес Франтишек, имевший самый малый рост. Он пригладил мокрые волосы и с улыбкой посмотрел на голубоватые облака, за которыми скрылось солнце.

— Даже не верится, что в километре отсюда можно нарваться на мину, — заметил Леон. — Тут вон даже цветы растут.

— Это растения-иноземцы, местные растения здесь вытравили, — сообщил подошедший сержант со значком охранной службы. — Как добирались, ребята? Кто здесь командир?

— Я, — отозвался Мози. — Лейтенант Моузер, командир отделения.

— Отлично. А я сержант Ровер, здешний инспектор-приемщик.

Сержант пожал лейтенанту руку и подал планшет с приемными документами.

— Одну «кассиопею» мы потеряли...

— Значит, зачеркни ее, напиши напротив число погибших и распишись.

— Погибших нет.

— Отлично. Тогда просто распишись — и дело закрыто.

— Какое еще дело? — спросил Леон.

— Никакое, парень. Вот если бы просрали платформу, началось бы расследование, а «кассиопея» — пустяк, тем более что без потерь ценных специалистов.

— Что, очень ценные?

— Это да. В основном инженеры-технологи процесса обработки и обогащения. Доставлять их приходится издалека, это вообще большой дефицит, как выяснилось. Им такое бабло платят, что закачаешься.

— Тогда почему ты сержант, Ровер, а не инженер? — усмехнулся Франтишек.

— Потому что, как и ты, коротышка, дурь курил за углом школы, вместо того чтобы учиться, — сказал сержант.

Потом он заглянул в салон КТМ, потянул носом и спросил:

— Никто не обгадился? Не блевали?

— Обошлось, начальник, — ответил Франтишек.

— А хоть бы и было — убирать у нас некому, здесь вам не база, но боекомплект поставим и дезинфекцию проведем, только белья вы не получите, у нас тут лишь роба положена.

— Согласны и на робу, — сказал лейтенант.

— Вот и отличненько.

— Колесо замените? — спросил Франтишек, подойдя ближе и уставившись на сержанта. Тот пытался было отвести взгляд, но Франтишек не отставал.

— Колесо, братец, стоит три тысячи рандов.

— И что? Мы же с одной казны кормимся.

— Да, только финансирование подразделений разное.

— Дружок, мы у вас можем надолго расположиться, — заметил ему Брейн. — Будете нас кормить и отписываться в штаб-квартиру, почему задерживаете транспорт, который должен ходить и давать компании прибыль.

— Да никто и не отказывается, ребята. Придет механик, оценит проблему, и мы все решим, — развел руками сержант Ровер, вызвав улыбки.

— Я знал, что ты хороший, — заметил ему Франтишек, после чего все отделение отправилось в сторону выделенного им блока.

Душ был приличный. Хороший такой душ с водой установленных стандартов кислотности.

Брейн это ощущал собственной шкурой, которая повидала немало генодезинфицирующих процедур, — подделку он отличал сразу.

Единственное, что казалось непривычным, — роба из синтетического хлопка. Ее выдавали строго по размеру и даже по званию. Он получил комплект с сержантскими нашивками и именем, хотя, если честно, предпочел бы оставаться инкогнито.

Маленьким таким зверьком, забившимся в дальний конец длинной норы. Это благоприятно действовало на нервную систему — лучше, чем пьянка. Но его, увы, поместили, и он остался «Томасом У. Брейном».

Заметив выход на внутренний двор, Брейн расслабленной походкой направился в сторону солнечного света и ароматов клумб.

Ему нравились цветы срединных планет, а здешняя флора угнетала еженедельными напоминаниями о дезинфицирующей камере душа.

Заметив скамейку, он присел, откинулся на спинку и прикрыл глаза.

— Устали, сержант? — услышал он женский голос и, оглянувшись, увидел в нескольких шагах такую же скамейку у выхода из другого жилого блока. Женщина курила сигарету и посматривала на него с улыбкой.

— Есть немного, — признался Брейн. — Такой контраст расслабляет.

— Это не вы там бегали по джунглям, пока мы перебирались из горящего броневика?

— Нас было двое.

— Вы хорошо сработали. Мы по-настоящему даже испугаться не успели, меня только здесь этот страх сковал. Курю вот, хотя восемь лет как бросила.

— Меня зовут Томас.

— А я Лейла. Идите на мою скамейку, Томас, а то так неловко разговаривать.

— Да, — согласился Брейн и перешел к новой знакомой. — А вы, значит, одна из тех важных специалистов?

— Вам нас так отрекомендовали?

— Примерно. Правда, железо на платформе оценили дороже.

— Это понятно, — усмехнулась Лейла и точным броском отправила окурок в урну. — Это делитель, ускоряет обогащение смеси в десятки раз по сравнению с теперешним. Их в серии еще нет, забрали прямо из лаборатории.

— Из вашей?

— Угадали, Томас.

Лейла повернулась к Брейну, и он заметил вышитые полковничьи звездочки, которые на робе были едва заметны.

— О, мэм!

— Ай, — отмахнулась она. — Не обращайтесь внимания. Я гражданский специалист, а эти звездочки только отражение статуса.

— Ну, все-таки полковник...

— А вы никогда не укладывали полковника в постель, Томас?

— Нет, Лейла.

— У вас есть шанс. Идемте, у меня, согласно статусу, собственные апартаменты.

Лейла поднялась и одернула легкий китель.

— Я что, слишком навязываюсь?

— Нет, мэм, — ответил Брейн, поднимаясь со скамейки. — Просто все так неожиданно.

Если бы сюда прорвались партизаны, я бы удивлялся меньше.

— Ну так идемте, пока они не прорвались и не испортили нам вечер.

В своем блоке Брейн появился спустя час и сразу попал под расспросы. Более других причиной его отсутствия интересовался Ольсен.

— Вот, Томас, и начальство на базе тебя боится, и шабашники к себе закликают, и даже здесь, где на каждую бабу сто претендентов, ты выхватываешь самую лучшую за пару минут беседы.

— Ну, не за пару, — пожал плечами Брейн, садясь на койку в общей комнате.

— Значит, насчет минут я не ошибся?

— Мне просто повезло.

— Как ты это делаешь? Почему ты крут?

— Хочешь быть таким, как Томас, сгоняй четыре раза в госпиталь с железом в брюхе и станешь таким же везучим и крутым, — посоветовал Ляминен, листавший какой-то старый журнал по сельскому хозяйству.

— Это и дураку ясно. Но вот как бы и крутым стать, и в госпиталь не мотаться?

— Тогда нужно поймать счастливую гранату, — произнес Харви, который дремал на короткой для него койке, прикрыв рукой глаза.

— Как это?

— Есть такая солдатская легенда, — поддержал его Леон. — Каждая тысячная граната — счастливая. И если ее поймаешь, она не только не взорвется у тебя в руках, но и сделает счастливым.

— Блин, да вы прикалываетесь надо мной! — догадался Ольсен, и все засмеялись.

Харви растер руками лицо и сел, опустив ноги в ботинки, которые назывались «монтажными», потому что вставлялись прямо в бронированные краги боевого комбинезона.

— Что, действительно стоящая девица?

— Ей сорок лет.

— Здесь выбирать не приходится.

— Стоящая и выглядит молодо — моложе меня.

— Эй, а это не она вон там? — спросил лейтенант Моузер, подходя к окну, и тотчас к нему бросились все, кроме Брейна.

Толкаясь, они пытались рассмотреть знакомую Брейна, а из-за плохого светопропускания поляризационного стекла слегка размытый женский силуэт каждый дорисовывал соответственно своей фантазии и представлению о прекрасных женщинах.

— Не, ну вполне ничего, а, Леон? — толкнул локтем напарника Ляминен.

— Стройная, — произнес Ольсен.

— А в толпе она была незаметна, — добавил Мози.

— Пока они пассажиры, все выглядят одинаково, как бараны. По крайней мере я их так вижу, — сказал Леон. — А как начинают высаживаться на месте, начинаю видеть различия. Вот мужик, а вот женщина и так далее.

— И все? Кроме пола, ничего не видишь? — усмехнулся Франтишек.

— Потом, попозже, начинаю уже присматриваться. Это вроде как оттаиваю.

— И пока ты присматриваешься, Томас уводит лучшую девку из состава.

— За Томасом не поспеешь.

Брейн поднялся с кровати и вышел из комнаты. Сейчас было время полдника, он знал,

где находилась столовая, а болтовня отделения ему мешала.

После свидания с Лейлой хотелось какого-то продолжения, даже не знакомства, а этой спокойной паузы. Похоже, ему было пора завязывать со службой, третий контракт изрядно утомил.

В пищеблоке пахло сливочным маслом и ванилью, хотя подавали омлет и какие-то каши. Зал был большой, человек на шестьдесят. Рабочие приходили сменами, быстро ели и уходили, затем приходила новая партия и включался шумный вентилятор на середине зала.

Командированные вроде Брейна сидели в отгороженном зальчике с мягкими стульями, и к их услугам были вина, ликеры и несколько видов казенного рома, однако крепкое спиртное — за отдельные деньги.

Брейн подошел к автомату, приложил ладонь к сканеру, и тот мигнул зеленой лампочкой — плательщик был опознан. Пробежав глазами по ярким квадратикам с изображением ягод, яблок, персиков и апельсинов, Брейн надавил нужную кнопку, и ему навстречу выехала раздаточная платформа со стаканчиком напитка.

Вдруг послышался нарастающий рокот мотора, от которого завибрировали стены, потом рев усилился, стал тоньше и, наконец, прекратился.

Брейн взял свой напиток и отошел к угловому столику — подальше, чтобы ему не мешали. Он узнал этот рев, который издавали трекеры, — скоростные винторамы, которые использовали для важных персон. Эти аппараты носились над самыми макушками деревьев и имели хорошее бронирование нижней части корпуса.

Треккер перестал реветь, и Брейн стал потягивать ликер, название которого не запомнил, поглядывая на разношерстный состав спецов — мужчин и женщин, прибывших сюда с его конвоем.

Пока что им все было здесь в новинку, они оглядывались, заново знакомились после пережитого в конвое. Но Лейлы здесь не было, должно быть, ей не хотелось есть, ведь у нее в номере был холодильник. Брейн успел это заметить, когда уходил.

Когда появилось его отделение, он уже доедал фруктовый пирожок, запивая его сладким чаем. Теперь, до ужина, он был сыт. А самое главное, мог уйти, когда его товарищи завалились в командировочный зал, — ему все еще хотелось побыть одному.

— Ага, так вот он куда сбежал!.. — указал на Брейна Леон. Тот поднялся и пошел им навстречу.

— А мы-то думали, куда он так соскочил? А ты, значит, на второй круг намылился? — спросил Харви.

— Не знаю, как получится, — отшутился Брейн, выходя во двор. Ему в самом деле было непонятно — хочет ли он еще одного свидания с Лейлой.

Она была хороша во всех отношениях, кроме одного — все, что они вместе делали, походило на обязательную программу.

Двинувшись по мощеной дорожке вдоль подстриженных кустиков, Брейн краем глаза заметил стоявшего слева от него человека, который смотрел куда-то в сторону. Но Брейн чувствовал, что эта отстраненность была фальшивой.

— Вот неожиданная встреча, Джон.

Брейн сделал вид, что не услышал, а если и услышал, то не понял, к кому это относится. Он не подал вида, что узнал этот голос, поэтому какое-то время еще шел по дорожке, но затем остановился.

Человек подошел и встал рядом.

— А я гляжу — вроде знакомый кто-то. Пригляделся — Джон Далтон.

— Фредди, ты знаешь, что теперь меня зовут иначе.

— Разумеется, Джон.

— Тогда зачем нарушаешь правила игры?

Брейн посмотрел на собеседника, сразу заметив на его лице следы пластического восстановления, хотя операция была проведена на самом высоком уровне.

— А ведь ты, Фредди, планировал делать карьеру в министерстве, а не башку под пули подставлять. Связи-то у тебя были о-го-го какие.

— Что, очень заметно?

— Не очень. Но я четыре раза в госпитале валялся. Впрочем, ты это уже выяснил.

— Выяснил, — кивнул Фредди. — Четыре путешествия в госпиталь — и ты теперь знаешь, куда смотреть, чтобы видеть следы биовосстановления.

— Не знай я тебя раньше, ничего бы не заметил, но у меня есть с чем сравнивать.

— Это могла быть автомобильная авария. Такое случается даже с министерскими протирателями штанов.

— Случается, — кивнул Брейн. — Только еще этот треккер в техпарке.

Фредди улыбнулся и одернул китель формы, прошитый нитью с активными изотопами, позволявшей носить одежду неделями и не уничтожать после каждого визита в джунгли. Согласно нашивкам, Фредди считался генерал-майором.

— О! Вот уж не думал, — покачал головой Брейн.

— У нас так быстро не растут, это маскировка для местных, чтобы вопросов не задавали. Но большие погоны, насколько я понял, тебя не смущают.

— Ты об вообще? — уточнил Брейн.

— Я об здесь.

— Просто повезло. К тому же она хорошенькая.

— Я рад, что встретил тебя, — сказал Фредди. И, заметив ухмылку Брейна, добавил: — Я не лгу, правда. Ты не из конторы, и я не видел тебя сто лет. К тому же ты так же хорош, как и раньше, — твоя голова варит быстрее, чем я успеваю спросить тебя о чем-то.

— Это удивляет тебя?

— Считается, что конвойные — тупые отмороженные ребята, которые не задумываясь бросаются в джунгли со «сквоттером» наперевес. По мне, так это чистое самоубийство.

— Как свалилась «Элевара», мы не видели, чуть-чуть не успели.

Фредди от неожиданности замолчал.

— Ну ты даешь, Джон, — сказал он спустя полминуты.

— Догадаться нетрудно, ведь твой интерес на поверхности. Только мы ничего не видели. Полагаю, файлы «голубей» ты уже извлек?

— Да, там тоже ничего нет. Все случилось, когда дрон делал разворот. А потом сразу черный дым.

— Вот мы с этого самого дыма и начали смотреть на подбитую машину. А по нам лупили из минометов и гранатометов — никакого супероружия. Потом прибыли шабашники и, насколько я понял, подорвали машину, забрав оставшийся экипаж.

Они помолчали. Фредди мысленно перелистывал все собранные факты, которые добыли представители службы безопасности компании, когда он еще летел на трекере. Похоже ничего не упустили, но информации было мало.

— Давай в техпарк зайдём, — предложил он.

— Ты хочешь мне что-то показать?

— Да, свежий взгляд не помешает.

В дальнем конце просторного техпарка на бетонных площадках стояли три «кентавра» шабашников. Один из них восстанавливала ремонтная бригада, два других заправлялись.

— Нам туда, — указал Фредди, и они направились к одному из больших ангаров, куда помещали авиационную технику для ремонта в дождь.

У входа стоял сотрудник местной охраны, но Фредди он уже знал и торопливо распахнул перед гостями дверь, через которую Брейн и Фредди вошли в ангар.

Фредди остановился, и Брейн встал с ним рядом, глядя на большой фрагмент обшивки «Элевары», который располагался на большом стенде, освещенном множеством прожекторов.

Вокруг стенда находилось не менее дюжины блоков, разного рода сканирующей и спектрографической аппаратуры, датчики которой, больше похожие на любительские подзорные трубы, располагались на специальных металлических стойках и были направлены на закопченную пробоину во фрагменте обшивки.

Рядом со стендом находились столы с обрабатывающей аппаратурой, и несколько техников и инженеров занимались отладкой этой сложнейшей системы анализа и обработки данных.

— Круто, — заметил Брейн.

— Да уж, — вздохнул Фредди. — Ты знаешь, Томас, возвращаясь к правилам игры, я бы хотел...

— Да, сэр, я понял. Мартин Вильямс.

Генерал Вильямс удивленно уставился на Брейна.

— Как ты это делаешь?

— Имя на кителе закрыто планкой, но когда ты поворачиваешься, ворот слегка отходит, и на обратной стороне видны буквы.

Вильямс прихлопнул ворот кителя и направился к стенду, Брейн пошел следом.

Заметив начальство, техники замерли, недоуменно поглядывая на прибывшего с генералом сержанта.

— Что у вас, Лейбниц? — спросил Вильямс.

— Настраиваемся, сэр. До тарировки датчиков еще не добрались.

— Понятно, — сухо произнес Вильямс и подошел к стенду вплотную. — Видишь, с каким контингентом приходится работать, — произнес он вполголоса. — Лучшие умы, блин.

— А зачем им столько железа?

— Пакеты считать. Датчики будут снимать информацию, программа на их основе — выдавать версию произошедшего, а крутое железо должно под эту версию провести виртуальное моделирование процесса и перейти к следующей версии. Потом эти версии будут сравниваться, сортироваться, и я получу с десятков самых страшных историй о том, что же случилось на самом деле.

— Выглядит солидно.

— Да, бюджет у нас будь здоров, можем себе позволить. Но я хочу послушать тебя.

— Да ладно, — отмахнулся Брейн.

— Просто посмотри и выскажи мнение.

— Я не специалист.

— Ты изучал техническую экспертизу. Я же помню. У тебя был самый высокий балл.

— Я все забыл.

— Не кривляйся, Томас, мне действительно нужно хоть что-то.

— Ну, это не болванка. Это видно по входящему отверстию. Сколько оно, кстати, двести?

— Двести два миллиметра. Точность измерения — сотая процента.

— Болванка такую точность не даст. И по краям оставит срезы окалины или навар, в зависимости от материала болванки.

— Согласен.

— Кумулятивный боеприпас отпадает сразу, а копоть появилась после того, как внутри начался пожар.

— Ну и?

— Потрогать можно?

— Можно. Предварительно — никаких излучений в опасных диапазонах не обнаружено.

Брейн поднялся на стенд и, нагнувшись над пробойной, потянул носом, с удивлением обнаружив легкий запах мяты. Да, именно мяты. Потом коснулся пальцем края пробоины, он был острым, а срез материала — матовым.

Осмотрев фрагмент, Брейн понял, что его сняли с корпуса, а не срезали, ведь непонятно, чем можно резать эту абсолютно непробиваемую броню. Изнутри открутили несколько гаек и сняли фрагмент размером с половину легкового автомобиля.

Сойдя с платформы, Брейн подошел к Вильямсу и сказал:

— Похоже, нам нужно иначе взглянуть на возможности партизан.

— Ты подтверждаешь мои худшие опасения.

— Но для тебя это не новость?

— Давай отойдем.

Они повернулись и медленно пошли к выходу.

— Слушай Брейн, а ты пьешь?

— Ты же прошерстил обо мне все сведения.

— Прошерстил, — согласился Вильямс.

— И что?

— Там написано, что ты не являешься убежденным трезвенником, ну и только.

Генерал Мартин Вильямс располагался в таком же люксе, как и полковник Лейла. Даже холодильник стоял в том же месте, правда, обои были другого цвета. Неизвестно, что находилось в холодильнике Лейлы, но в генеральском нашелся богатейших набор крепких напитков хорошего качества.

— Помнишь, как мы, бывало, пьянствовали? — спросил Вильямс, выставляя на стол бутылки и коробочки с закусками.

— Мы не пьянствовали, за пьянку у нас вышибали вон, — ответил Брейн, выходя из ванны и вытирая руки полотенцем.

— Нет, я имею в виду семинары по вербовке.

— Я так и подумал. Только там приходилось держать ухо востро, чтобы не пропустить вводную от Ротвейлера. Меня это всегда очень напрягало, особенно когда он запретил перед семинаром обедать.

— Да, без бутерброда с маслом «деревенский виски» напрочь выключал мозги.

— И самое обидное, что потом Ротвейлер меня хвалил за правильное поведение при отработке двойной вербовки, а я ничего не мог вспомнить.

Они посмеялись.

— Имеешь какие-то предпочтения? — уточнил Вильямс, собираясь наливать.

— Из того, что я вижу, стодится все.

— Отлично, — кивнул Вильямс, наливая виски. — Это пойдет под салат с морепродуктами.

— Согласен.

Они выпили по-солдатски, одним махом, и стали закусывать.

— Ты что вообще по теме знаешь? — спросил Вильямс.

— Только связанное со службой. Мы везем, они нападают, и мы отбиваемся.

— А если в деталях?

— А если в деталях, они становятся все более активными, их возможности быстро растут. Они могут неожиданно подогнать целую роту. Как им это удастся — непонятно. Раньше хватало одного дрона, чтобы отслеживать их с дистанции в пару километров и отпугивать навесным огнем из автоматической пушки, теперь об этом пришлось забыть. А минометы? Двести миллиметров — это не винтовка, его нужно таскать, устанавливать, переносить боекомплект. Столько суеты — это должно быть заметно, но они ухитряются не выдать себя, пока не начинают обстрел.

— И что ты думаешь?

— Думаю, роют какие-то шахты, туннели. С теперешней техникой это не сложно. Запустили строительного робота — и он роет.

— Тут с тобой многие согласны, но эти туннели не обнаруживает разведывательная аппаратура, — сказал Вильямс и налил еще по одной. — Мы бросаем заряды-инициаторы, они одновременно подрываются, и приемная аппаратура показывает, что на десятки метров вглубь толща земли не потревожена.

Вильямс поднял свой стакан, Брейн — свой, и они снова выпили.

— Значит, экранируют, выставляют что-то вроде статичной, снятой заранее, картинки, и вместо реального положения дел вы видите то, что было раньше.

Вильямс перестал жевать, переваривая услышанное.

— Неплохая теория, это нужно обдумать. Хотя для партизан дело мудреное.

— Учитывая ту дырку в «Элеваре», установка закладки в ПО для них уже не кажется таким уж невозможным делом.

— И вот тут мы переходим к следующей теме... — произнес Вильямс, наливая по новой.

Они выпили, но морской салат закончился, и они закусили «овощным кисло-сладким».

— И эта тема с тебя...

— Кто их так заметно продвигает и зачем ему это нужно, — сформулировал Брейн.

— Да, это критический момент, — вздохнул Вильямс, и его лицо сделалось трезвым. — Ведь у нас этой «ти-ай-броней» закрыты все правительственные винторамы, представительские автомобили, секретные комнаты, понимаешь масштаб проблемы?

— Понимаю. Но кому все это нужно?

— На Галилео и Робертину имели виды ребята с Цин-Дао.

— Я слышал, с ними замирились без войны.

— То, что ты слышал, — лапша на уши гражданам. На самом деле договорились отложить войну, только и всего.

— Весело.

— Очень весело.

— Слушай, ну а кто такие эти партизаны?

— А что говорит массовая информация?

— Массовая информация заверяет нас, что это саморазвивающиеся монстры, появившиеся в результате радиационных излучений. Якобы их на какое-то время оставили без внимания, а они стали плодиться, размножаться и захватывать наш бизнес.

Генерал Вильямс снова налил и отшвырнул пустую бутылку в угол. Потом они выпили и закусили.

— И что ты сам об этом думаешь? — спросил он.

— А ты?

— Состряпано неплохо.

— Но состряпано?

— Но состряпано.

— А что происходило на самом деле?

— На самом деле все началось с колонии для заключенных, которую компания выкупила, чтобы иметь рабочих в условиях, когда обычные люди идти в шахты не хотели.

— Они насильно загоняли заключенных под землю?

— Нет, у тех был выбор — валяться на койке, выполняя приказы надзирателей, и получать на счет три ранда в неделю или зарабатывать за день по пятьдесят.

— Теперь я понимаю, — кивнул Брейн.

— Вот именно. И дела пошли, но со временем компания решила, что платит заключенным слишком много и что хорошо бы заставить их работать больше и практически бесплатно.

— И когда это было?

— Лет пятьдесят назад.

— Понятно.

— Одним словом, они собрали команду специалистов, те взялись за дело, и скоро первые перелицованные работники уже трудились до седьмого пота. Одна проблема — эти ударники мерли как мухи, и компания прикупила женскую колонию. Генетики взялись за дело, и скоро стали рождаться идеальные выносливые люди-роботы, которые форсированно вымахивали до рабочих параметров за десять лет.

Ученые получили большие бонусы, добыча увеличилась, но тут оказалось, что из-за ошибки геологоразведчиков запасы бассейна были преувеличены. Шахты закрыли, оборудование и специалистов вывезли. Эвакуировали даже мужскую и женскую колонии, а рабочих-роботов оставили подыхать, ведь у них не было средств для защиты от генно-лазерного механизма размножения здешних растений.

На полную зачистку планировалось не больше полугода, после чего вся территория должна была зарости джунглями, но неожиданно посторонними специалистами в районах заброшенных шахт была замечена активность. Однако внимание на эту активность обратили только через годы, когда организованные вооруженные отряды стали захватывать транспорт.

— Значит, кто-то помог им выжить?

— Кто-то помог. Кто-то, кого интересуют запасы Галилео. Это ведь не планета, а просто какое-то хранилище полезных ископаемых.

— И что нам остается?

— Боюсь, что только война.

— Если воевать с теми, у кого такие технологии...

— Это да, тут я с тобой согласен. Лучше отдать эту Галилео.

— Но тогда они попросят еще и Робертину, — напомнил Брейн.

— Попросят, но не сразу. И за это время нужно успеть придумать что-то такое, чтобы поставить их на место.

Они помолчали. Вильямс вскрыл упаковку с вареньем «Осенний сад», а Брейн разломил плитку засахаренных орехов. Все говорило о том, что пора переходить к ароматному бренди.

— О чем ты мечтаешь, Томас?

— Ты все обо мне читал...

— Нет, я хочу услышать от тебя, вдруг что-то переменялось.

— Ничего не переменялось. Я хочу дом у теплого моря, чтобы слышать шелест волн, чтобы сосны шумели рядом.

— А сколько ты зарабатываешь?

— Нам неплохо платят.

— Разумеется, я в курсе твоих накоплений, приятель. Весьма неплохо для средненького жителя мегаполиса, но ведь тебе нужна береговая линия в курортном городке, правильно?

— Да, я хочу видеть море из своего окна.

— Для этого твоих накоплений не хватит.

— Может, что-то заработаю в полиции. Думаю, после третьего контракта меня возьмут на должность старшего в патруле.

— Это копейки, приятель. Давай-ка я дам тебе визиточку, очень, между прочим, ценную.

С этими словами Вильямс передал Брейну пластиковый прямоугольник.

— Что это?

— Это такая хитрая фирмочка — один из подрядчиков нашей конторы. У них бывают весьма интересные предложения. Дела мало, а денег — много.

— А сам чего?

— Я люблю тишину и канцелярскую пыль.

Брейн недоверчиво улыбнулся.

— Ну, просто за каждого стоящего кадра я получу от них бонус.

— А не кинут?

— Кого?

— Тебя.

— Нет. Там все наши люди, только отставники. Если покажешь им эту визитку, это будет лучшая рекомендация. Я их на вокзале не раздаю.

— Я понял. Обратно мы пустыми пойдём, не знаешь?

— Не пустыми. Компания хотела подрядить другую команду, но вы хорошо прошли кризис, поэтому решили вас припрятать.

— Только не говори, что груз с концентратом.

— Извини, — развел руками Вильямс. — Груз с концентратом. Зато всего одна платформа, и в случае удачной доставки — большая премия. Ты ведь знаешь.

— Знаю, — вздохнул Брейн. — Но в компании кто-то сливает информацию, и концентрат будут ловить.

— Откуда знаешь, что сливают?

— Не знаю, догадался. Я же не первый год тут служу.

— Мы этим занимаемся, служба безопасности компании попросила. У них не получилось.

— Ну, если мы все обсудили, я, пожалуй, пойду, — сказал Брейн, поднимаясь. — Завтра

концентрат везти, нужно отдохнуть как следует.

— Понимаю и больше не задерживаю, — сказал Вильямс, поднявшись и пожимая Брейну руку.

Тот уже направился к двери, когда генерал сказал:

— Бьорн Ольсен дважды писал на тебя доносы в службу безопасности.

— Когда? — спросил Брейн, останавливаясь.

— Шесть месяцев назад и четыре месяца назад.

— Чего хотел?

— Чтобы тебя уволили по профнепригодности. Старый ты, дескать.

— Перешли мне файлы, если не трудно.

— Не трудно, перешлю.

Бойцов своего отделения Брейн застал за просмотром какого-то фильма. Несколько банок из-под пива горкой лежали в урне.

— О, вот и Томас! — воскликнул Мози. — А где же ты был, твоя красотка прогуливалась в одиночестве.

— Должно быть, ждала, когда ты к ней подойдешь, — добавил Харви.

— Эй, да он под газом, — заметил Ольсен.

— Да, если у Томаса румянец, выпил больше трех рюмок крепкого.

— Приятеля встретил, — пояснил Брей, присаживаясь на койку.

— Приятеля? Здесь? — удивился Ольсен.

— Представь себе. Когда-то вместе служили. Вот он и проставился, отказываться я не стал.

— Я бы тоже не стал, — вздохнул Харви. — Скучно тут.

— А у нас на базе что — парк развлечений?

— Ну, база — она огромная, как городок. А здесь от стенки до стенки едва пара сотен метров наберется. И вышки по периметру как-то нагнетают, если честно.

— Чтобы никому не было скучно, скажу следующее: завтра идем с платформой концентрата.

В помещении воцарилась тишина, и стало слышно, о чем там говорят герои фильма.

— Вот так вляпались, — сказал Харви и почесал в затылке.

— Зато премиальные хорошие, — возразил водитель Франтишек.

— Это если все в целости довезем, а это вряд ли. Партизаны этот концентрат будто нюхом чувствуют.

— Ничего, — сказал Брейн. — С одним хвостом проще, чем с тремя.

Забыв про знакомую Брейна, бойцы снова стали пялиться в экран ТВ-бокса, однако мысли их были теперь далеко. Каждый старался представить, как придется действовать в этот раз, когда противник точно знал, откуда они выходят и что будут везти.

В коридоре послышался топот, дверь распахнулась, и появился улыбающийся Юган — штурман КТМ.

— Ты чего такой радостный? — спросил Леон.

— Я узнал про новое окошко на экране!

— Чего? — не понял Леон.

— Это он про обновление штурманской программы, — догадался Брейн. — Ну и чего оно такое?

— Это наведение спутника! Удар с орбиты, представляете?

— Удар с орбиты? — переспросил Ольсен, поднимаясь.

— Ну да! Это мне главный механик по обслуживанию рассказал! Ждешь, когда диаграмма зарядится, выбираешь район на карте, указываешь точку и — бац!

— А какой силы удар? — спросил Ольсен, подходя к Югану.

— Ну, это... Это я забыл спросить.

— Артиллерия какая-нибудь или что?

— Скорее всего какой-нибудь лучевой инициатор, — предположил Брейн. — Это самое распространенное оружие для орбитального удара.

— Ага! — кивнул Юган, потом подошел к холодильнику, открыл его и оценил безупречную пустоту. — Не, ну я понимаю, что пива нет, но тут же еще кола оставалась.

— Это к Харви, — сдал товарища Ляминен.

— Я гранатометчик, мне положено, — парировал тот.

— Буфет работает допоздна, — напомнил Брейн. — Выдача пива не ограничена.

— Да это я так, завтра все равно в рейс.

— И не просто в рейс, а с платформой концентрата, — сообщил Ольсен.

— Правда?

Юган остановился рядом с открытой дверцей холодильника. Потом осторожно ее прикрыл и лег на свою койку.

— А ну и ладно. Может, в картишки перекинемся, а? Есть желающие?

— Лучше спать лечь пораньше, — за всех ответил Харви и вздохнул. — Подъем в пять, выезд в шесть ноль-ноль.

— Слушай, Юган, а я что-то не понял, прочему поставили важное обновление, а инструкцию не прислали? — спросил лейтенант, до этого сосредоточенно следивший за сюжетом фильма.

— А хрен его знает. Я и про это случайно узнал. Проверял загрузку боекомплекта и свежих «голубей». Их, кстати, всего два дали, так что у нас тут некомплект.

— Почему не дали комплект?

— Нету, говорят. Но на пушку загрузили полные магазины, я еще настоял, чтобы и элеватор набили, все же лишняя сотня снарядов.

— Это ты правильно сделал.

— Ну а то! И вот я с главным механиком разговорился, а он сказал, что обновления для штурманских терминалов глючат. Я тут же вспомнил про нашу проблему и ему рассказал про это непонятное окошко. И он объяснил, как такая штука может работать.

— Что значит «такая штука»? — не понял Брейн.

— Ну, в КТМ их не используют, но похожие системы с орбитальной поддержкой он видел в передвижных штабных машинах, когда служил на Гиперионе.

— О, как техника шагает! Еще недавно такая фигня только генералам штабным положена была, а теперь уже в каждый броневик ставят! — с пафосом произнес Ляминен, которому досталось больше всех пива.

— М-да, — покачал головой Брейн.

По всему выходило, что для хорошей поддержки следовало давать точку удара с очень большой точностью, поскольку импульсное оружие давало на поверхности планеты совсем малое пятно — может, метров десять, не более. С другой стороны, часто хватало упреждающего удара, чтобы заставить противника отказаться от отчаянной атаки.

— Ладно, на что-нибудь сгодится, — сказал он. — Давайте уже спать.

Уборщики схалтурили, и в салоне воняло кислотой. Впрочем, буровая площадка являлась захоластьем, и специальных систем очистки у них не было. Побрызгали антибактериальным дезинфектором, так что растворитель едва просох к утру, и на этом успокоились, а на базе применялось предварительное вакуумное высушивание и уже потом дезинфекция и азотирование.

— Хорошо, хоть боезапас полный дали, — нарушил молчание Мози, когда терпеть этот запах оказалось невмоготу.

— Я ионизатор включил! Через час все протянет! — сообщил Франтишек.

— А этот час мы чем дышать будем? — угрюмо спросил Харви.

— Лейтенант, мы прошли точку отсечки! — сообщил Юган, когда конвой спустя сорок минут вышел за пределы досягаемости пушек буровой станции.

Это означало, что теперь они сами по себе и больше им никто не помощник.

— Але, я конвой «два-четыренадцать-ноль-восемь», прошу дать сводку по разведанным, — запросил Мози по радио, но ему не ответили, хотя какие-то щелчки в эфире прозвучали, что означало — серверы работали и пытались наладить связь.

— Ну, началось, — вздохнул Ольсен.

— Але, район! Ответьте конвоем «два-четыренадцать-ноль-восемь», нам нужна сводка по разведанным.

— Да, конвой, мы вас видим. Ваша отметка со звездочкой как особо важная.

— В том-то и дело, мы не можем тащить этот концентрат вслепую, диспетчер! Дайте хоть что-то, пусть даже с ночной смены!..

— Зачем с ночной? Сейчас получите за последние два часа.

— Правда, что ли? — не поверил лейтенант.

— Готовы принимать?

— Конечно, готовы, высылайте!

И тотчас на экране бортового компьютера в разделе «навигация» появилась метка о передаче файлов.

— Открывай, Юган.

— Уже... — отозвался штурман, и теперь на индивидуальных экранах всего отделения появилась карта с указанием замеченных групп противника, их фактических и предполагаемых маршрутах.

— Не сводка, а просто песня! — восторженно воскликнул Франтишек.

— Да уж, вот это сервис! — поддержал его Леон.

— Вот всегда бы так, — высказался Харви.

— Так я прибавлю ходу, а, командир? — спросил Франтишек.

— А платформа потянет?

— Эта — потянет! У нее силовой агрегат втрое мощнее прошлой платформы. На перевозке концентратов компания не экономит.

— Ну тогда прибавляй, воспользуемся случаем.

КТМ запрыгал бодрее, и следом за ним стал набирать обороты самоходный контейнер.

Сейчас машины двигались со скоростью более сорока километров в час, поскольку Франтишек использовал одну из старых просек. Время от времени он перескакивал на

другую, чтобы нельзя было уловить в их движении какую-то закономерность.

— Может, «голубя» запустим? — предложил Юган.

— А чего ты беспокоишься? — спросил лейтенант.

— Да уж больно гладко все.

— Хорошо, запускай.

Хлопнул вышибной заряд, и дрон ушел в небо, сразу подарив бойцам красивую панораму с зелено-бурой растительностью, затейливыми рисунками просек — старых и новых, холмами в дымке и белыми облаками. Постороннему взгляду здесь было на чем отдохнуть, но только не глазам бывалой команды сопровождения.

Если они не видели опасности, то начинали нервничать.

Дрон делал круг за кругом, но горизонт оставался чист. Конвой уже находился почти на середине пути, когда пришло обновление разведочной обстановки. Когда раскрылись файлы, карта слегка изменилась, и теперь следовало скорректировать курс поближе к холмам.

— Ну что, я поворачиваю? — уточнил Франтишек.

— Постой! — вмешался Брейн. — Мози, свяжись с диспетчером.

— Зачем? Они выслали нам новые фалы — чего еще желать?

— Свяжись. Уточни, действительно ли это новые файлы, и спроси о погоде.

— Не понимаю тебя, Томас, но свяжусь, — сказал лейтенант и включил канал дальней связи. — Але, район, ответьте конвою «два-четырнадцать-ноль-восемь»...

И снова, как и в прошлый раз, послышался шум помех и никто не ответил, но едва Мойзи повторно сделал запрос, на него тут же отозвались:

— Да, конвой, мы вас видим. Ваша отметка со звездочкой как особо важная.

— Эти файлы... Эти файлы, они действительно новые?

— Да, это коррекция обстановки.

— До чего же оперативно, обычно вы нас динамите.

— Я же говорил вам — ваша отметка со звездочкой. Другой статус и совсем другое обслуживание.

— Ладно, вы меня успокоили. Спасибо.

— Удачного рейса.

После разъединения в отсеке наступила напряженная тишина, если не считать попискивания компьютера и ударов веток по корпусу.

— Томас, так ты думаешь, ловушка? — спросил лейтенант.

— Думаю, да. Обычно с диспетчером мы соединялись быстро, но информации нам почти не давали. А сейчас напряг с соединением — а потом лучшее меню в городе.

— Подмена канала?

— Скорее всего.

— И что делать будем? — спросил Юган.

— Если это ловушка, нужно идти на самый опасный из указанных картой участков, то есть двигаться прямо, не сворачивая к холмам, — сказал Брейн.

И снова все напряженно молчали, хотя времени на раздумье уже не оставалось.

— Юган, «голубя» на бреющий полет и самую малую скорость. Пусть пройдет над опасным районом, если там кто-то есть, его сразу сшибут.

— Командир, подтверждаешь?

— Подтверждаю, — кивнул лейтенант.

— Давай еще одного, Мози, — предложил Харви. — Этого могут снести даже одиночные стрелки, а нам нужен массив, блин.

— Согласен. Юган, давай второго! Пусть сверху следит за первым!..

— Понял! — отозвался штурман, и новый хлопок выбросил в небо второго дрона. На экране навигационной программы появились «дрон-один» и «дрон-два», а маленькое окошко на индивидуальных экранах бойцов разделилось надвое.

— Вот зараза, теперь шары вообще в точку сошлись, — пожаловался Леон.

— А ты закрой один, так будет легче, — предложил Ольсен, и все коротко хохотнули, хотя ничего смешного тут не было. Первый «голубь» полыхнул от короткой очереди, и обломки полетели вниз.

— Хорошо, что второго выпустили, — сказал Брейн. — Но это не массив Мойзи!

— Я видел трех пехотинцев! — сообщил Ляминен.

— Три — это не массив! — возразил Ольсен.

— Я накрываю их, командир! — крикнул Юган, и пушка застучала до получения разрешения. Снаряды по-минометному взмыли в небо и обрушились на позиции предполагаемых стрелков.

Где-то ухнула мина, ударив комьями земли по борту КТМ.

— Вот они и проявились, твари! — воскликнул Юган, припадая к перископу. — Мы их раскусили, ребята, они действительно готовили ловушку...

Разведывательный дрон выполнил бочку, и все увидели спешащих наперерез странного вида бойцов.

— Это кто такие? — воскликнул Ляминен.

— Порционы!!! — заорал Ольсен так, что у Брейна заложило ухо.

— Да чего же ты орешь?

— Ты не слышал про порционов?!

— Я слышал про порционов, но их всего три штуки, а вот за ними идет сотня пехотинцев — вот куда смотреть нужно.

На самом деле Брейн блефовал. Он и сам испугался не меньше Ольсена, ведь порции двигались в джунглях со скоростью спортивных автомобилей и имели огневую мощь, равную тяжелым танкам. Вот только их броня уступала даже военному грузовику «гризли». Снаряд двадцатимиллиметровой винтовки она держала гарантированно, но у КТМ была пушка в тридцать миллиметров со снарядами с уплотненным сердечником, втрое превышавшим плотность вольфрама.

Пушка броневика била не останавливаясь, накрывая пехоту и трех порционов, спешивших перерезать направление. Дрон показывал, что обстрел эффективен — пехотинцы спрятались в кустах, а роботы шагали на полусогнутых, заметно сбросив скорость.

— Эту волну мы проскочим! — радостно сообщил Юган.

Брейн с ним согласился. Дрон показывал, что КТМ и автоплатформа на хорошей скорости уходили от преследователей и у тех для перехвата не оставалось шансов.

— Пускай «голубя» вперед! — распорядился лейтенант, и тотчас в индивидуальных экранах появилась другая неприятная картина — со стороны холмов выдвигались куда более значительные силы. Пехоты лишь чуть больше, чем в первой волне, зато вместо трех порционов — целых десять. И фора для перехвата у них имелась изрядная.

— Правее, водитель! — крикнул лейтенант.

— Беру на сорок пять градусов! — ответил Франтишек, и КТМ врезался в целину — нетронутую часть джунглей.

Электроприводы броневика завывали с большим напряжением, а сидевшая на хвосте автоплатформа легко повторила его маневр.

Теперь, когда противник понял, что завести конвой в ловушку не удалось, по земле, словно гигантский молот, застучали тяжелые двухсотмиллиметровые мины, вздымая землю и кустарник так высоко, что с камеры дрона это было похоже на извержение гигантских грунтовых гейзеров.

Франтишек маневрировал, заставляя КТМ едва ли не ложиться на бок, и за ним эти удивительные зигзаги выписывала тяжелая платформа, не отставая ни на метр. Это сбивало минометчиков с прицела, и только они пытались пустить мину с упреждением, как Франтишек бросал машину в сторону, заново прокладывая путь по густым зарослям.

К паре работавших минометов присоединились еще несколько, и огромные осколки стали молотить по корпусу КТМ. Много доставалось и платформе, но ее кофр был хорошо бронирован, а в колесах стояли немнущиеся стальные вставки. Машина могла ехать с изорванным наполнителем шин, правда, при этом сцепление с мокрым грунтом падало почти до нуля.

В ответ на страшный обстрел, не останавливаясь, стучала автоматическая пушка, и Юган, пользуясь трансляцией с дрона, корректировал огонь.

Едва удавалось накрыть веером снарядов минометную позицию, как тотчас огонь открывала резервная. Пока экипажу везло, но бесконечным везение не бывало. Прямое попадание могло разорвать прочный корпус броневика и если не уничтожить бойцов, то покалечить машину.

Вдруг обстрел прекратился.

— Смотреть внимательно, похоже, где-то рядом пехота! — крикнул Брейн.

Все до боли в глазах стали напряженно всматриваться в экраны, но ничего не могли разобрать — джунгли здесь были повыше и погуще.

Вдруг ухнуло где-то позади броневика, и платформа заскользила в сторону, дымя сорванными взрывом покрывками.

— Попадание в колеса! — крикнул Юган. — Гранатометом в упор!

— Франтишек, делай круг и утюжь джунгли справа, они где-то там! — скомандовал

лейтенант. Водитель дернул руль, и машина на полной тяге стала разворачиваться по-танковому, снося вместе с растительностью все, что могло прятаться в зарослях.

Послышались крики, скрежет по днищу, и одновременно включилась тревожная сирена, сообщавшая, что связь КТМ с грузовой платформой разорвалась — двигаться она не могла.

— Приготовиться к выходу! — крикнул лейтенант.

— Кто будет выходить? — спросил Ольсен.

— Все! Франтишек, завернешь за грузовик и выпустишь нас там, а потом включишь автозамену, грузовик вполне может поменять пару колес, у него их в резерве четыре!..

Броневик юзом прошелся по местам вероятных засад и, захав за массивный корпус грузовика, остановился. Боковая дверь отошла, и бойцы стали выскакивать наружу, сразу разбегаясь в цепь и с ходу открывая огонь по опасным направлениям.

В ответ пехотинцы противника открыли огонь из стрелкового оружия. Брейн видел, как шевелились джунгли по ту сторону развороченной КТМ поляны.

— Нужно наступать, Мози! Иначе они добавят по колесам, и грузовик здесь останется! — крикнул Брейн.

— Вперед! Берем на кинжальный! — скомандовал лейтенант, и бойцы рванулись вперед, опустошая магазин за магазином и быстро вставляя новые. У партизан не было такой бронезащиты, как у отделения Мози. Осколки гранат, пули малого калибра застревали в вязкой броне комбинезонов, в то время как для партизан попадание оперенных пуль «сквоттеров» было фатальным.

Пока бойцы отделения, сойдясь на дистанцию кинжального огня, выкашивали джунгли вместе с пехотой противника, Франтишек запустил программу замены колес платформы, и та, приподняв гидравликой пораненную сторону, стала ремонтным манипулятором заменять колеса. Дымящиеся были сброшены почти моментально, а вот установка новых требовала времени.

Брейн стрелял не останавливаясь, сам не понимая, как обнаруживал новые цели, успевая одни видеть, другие предугадывать, а третьи засекал одним глазом по панораме дрона.

Справа стучал гранатомет Харви, слева со свистом разгонял пули «сквоттер» Ольсена. Он получил долгожданную разрядку и даже кричал в эфир какую-то чепуху.

Из-за разлетевшегося куста, метрах в сорока справа, вдруг появился непонятный силуэт. Брейн выстрелил и увидел, как полыхнули попавшие в броню пули. Это был первый из порционов, достигших места схватки. Долю секунды он оценивал ситуацию и выстрелил из гранатомета с небольшим недолетом. Брейн увидел поднимающуюся стену земли, а потом его отшвырнуло так далеко, что ему показалось, будто он ударился о стенку грузовика.

В эфире стояла настоящая какофония, и кто-то запрашивал Брейна, но он не мог понять, кто его зовет и что именно нужно отвечать. Приподнявшись на локте, он обнаружил, что почти половину бронекварца его забрала затянуло молочной пеленой, однако выскочивших на просеку порционов увидел сразу. Их было четыре — вооруженных до зубов шагающих машины, — и Брейн подумал, что теперь точно крышка, выхода из такой переделки уже не найти. Но тут застучала пушка броневика, и ее снаряды стали вскрывать порционов, как консервные банки.

Полыхнувший боезапас одного из них расшвырял остальных. Ударная волна встряхнула Брейна, заставив очнуться. Он подхватил валявшийся «сквоттер» и полоснул по движущимся теням где-то в кустах и по вибрации индивидуального кода понял, что оружие не его.

— Ольсен! Кто видел Ольсена? — крикнул он в эфир, но ему не ответили.

Метрах в тридцати ухнула очередная мина, подняв еще одно земляное цунами, но в этот раз Брейна лишь присыпало.

— Колеса в порядке, можно уходить! — крикнул Франтишек. — Повторяю — все на машину, можно уходить!

— Отходим к машинам! — скомандовал Мози.

— Кто видел Ольсена? — снова спросил Брейн.

— Похоже, его завалило! — сообщил Харви, и Брейн увидел его. Харви стрелял из укороченного «сторма», который носил в дополнение к гранатомету — тот сейчас висел на ремне, оставшись без боеприпасов.

Брейн бросился вперед, кое-как разбирая дорогу сквозь поврежденное забрало. В правом боку ныло — видимо, ударило осколком. Дышать было больно от контузии, однако Брейн полз и полз по взрыхленной земле, помня, где перед выстрелом порциона находился Ольсен.

Вот и его ботинок, торчавший из кучи наваленной земли. Брейн схватился за него, боясь, что выдернет только часть тела — такое тоже случалось, и, потянув что было сил, выволок на поверхность Ольсена целиком — с руками, ногами и головой. Однако определять его

состояние времени не было.

— Томас, ты где? — позвал Харви.

— Я здесь, тащу Ольсена!..

— Всем огонь на правый фланг, прикрываем Томаса! — скомандовал лейтенант, однако тем самым привлек внимание противника, который, вскрыв кодирование группы, внимательно слушал эфир. Рядом с Брейном стали рваться легкие гранаты, вонзая в его и Ольсена броню десятки острых осколков.

Тяжелая пуля ударила в плечо, и Брейн едва не свалился, однако рядом оказался Ляминен и длинной очередью снес двух показавшихся пехотинцев. Потом отстрелил туда гранату и, схватив бесчувственного Ольсена за вторую ногу, помог волоочь к броневнику — им оставалось совсем немного.

— Все на месте? — спросил Мози.

— Теперь все, — выдохнул Брейн, отпуская Ольсена, которого из отсека подхватили Харви и Леон.

— Давай, Франтишек!

Водитель дал полную тягу, и броневик рванулся вперед, а следом, очнувшись от ремонта, бросился вдогонку тяжелый грузовик.

На новых колесах он бежал куда ровнее, и его уже не бросало на мокром грунте.

Брейн сбросил шлем и взял из резерва другой — еще не подогранный, но с нормальным прозрачным бронекварцем.

— Что с ним? — спросил он у Ляминена, который колдовал над Ольсеном, вводя иглу противошокового средства через специальное дренажное отверстие на рукаве.

— Живой вроде. Датчики показывают жизнедеятельность и все такое... Оставим его на полу?

— Пусть лежит, на тот случай если сильно поломан, — сказал Брейн.

Минут пять они мчались через джунгли, не слыша тяжелого молота крупнокалиберных мин, однако внимание противника к конвою не ослабло, ведь на кону был контейнер дорогостоящего концентрата.

— Вижу крупные силы противника! — сообщил Юган.

— А сколько у тебя снарядов?

— Две сотни. Но даже если бы был полный комплект, против такой силищи нам не устоять, лейтенант!

Брейн скосил глаза на индивидуальный экран и понял, о чем говорил Юган. От холмов им наперерез двигалась целая армия порционов — не менее сотни. Они шли с запасом времени, гарантированно пересекая район прохождения конвоя.

— Франтишек, мы можем ускориться? — спросил лейтенант.

— Мы можем ускориться и проскочить, но платформа такой скачки не выдержит! Завалится — и все дела!..

— Мози, может, ну ее на хрен, эту премию, своя шкура дороже! — предложил Леон, который, похоже, был ранен в руку.

— Если попытаемся оторваться от платформы, они нас накроют массированным огнем, — сказал Брейн. — Им очень нужен груз, поэтому они нас пока не быстро обрабатывают.

— А на кой этим дикарям гранулы? — спросил Ляминен.

— Глядя на эту армаду шагающих машин, ты все еще думаешь, что мы воюем с

дикарями?

— Я уже не знаю, что думать.

— Я согласен с Томасом, — сказал лейтенант. — Будем держаться возле контейнера, иначе нам никак не проскочить.

Это движение навстречу неизбежному было похоже на осознанное самоубийство. Панорама дрона рисовала все более отчетливую картину невозможности прохода через плотные порядки противника.

— Давай правее, Франтишек! — крикнул лейтенант в очередной раз, когда стало понятно, что вновь скорректированный курс противник все равно перекроет.

— Нельзя еще правее, мы тогда поедем к реке, а там болото — сядем, и с концами!

Брейн смотрел на индивидуальный экран, где среди молодых зарослей скакали, казалось, возникавшие из ниоткуда порции и приземистые броневики-чебурашки с пехотой, и вспоминал разговор с Вильямсом — похоже, они действительно поднимались из каких-то подземных пустот, и сколько их там еще, оставалось загадкой.

С расстояния метров в пятьсот роботы открыли заградительный огонь, и перед броневиком стали вздыматься столбы земли и черной грязи, которую мощные заряды вышибали при слишком глубоком подрыве.

— Юган, что там твое окошко, оно еще на месте? — спросил Брейн.

— Да!

— Мози, пора испробовать эту шгуку!

— О, а я про нее забыл! Давай, Юган, что там у тебя — карта?

— Карта, лейтенант!

— Находи точку — центральную точку видимой группировки и подтверждай все запросы, посмотрим, как это работает!

— А если сильно шарахнет? — спросил Леон. — Все же это орбита, а не какая-нибудь артподдержка.

— У нас нет другого выхода! — возразил лейтенант. — Дави согласие, Юган! Главное — выбери центр этой толпы!..

— Эй, а тут требуют выбрать «мощность удара»!

— Меню вылетело?

— Так точно!

— Какие варианты?

— «Малая мощность», «достаточная» и «максимальная».

— Выбирай достаточную! — крикнул лейтенант, и в этот момент граната с одного из порционов ударила под колеса, и КТМ так трянуло, что все лязгнули зубами. — Ах, сволочи! Выбирай максимальную мощность, Юган!..

— Есть максимальную! Они уточняют, точно ли мы выбрали «максимум»?

— Да, точно! Дави, пока нас тут не размазали!

И Юган надавил, а через секунду панорама дрона погасла, потому что он испарился.

КТМ спасло только мастерство Франтишека и его чутье, он дернул руль вправо, едва почувствовав дрожь земли, поэтому страшная ударная волна заставила КТМ пробежаться на четырех колесах правой стороны, но потом броневик все же остановился, и обратная волна протащила его метров на десять назад, после чего Франтишек зачем-то заглушил двигатель, и стало тихо, не считая потрескиваний в эфире и скрежета опускавшейся гидравлики, расслаблявшейся после жестокого пробоя. Однако течей технических жидкостей зафиксировано не было.

— Мози, нужен новый «голубь», — сказал Брейн.

— Вот задница! Как же меня крепко приложило!..

Это был Ольсен. Он поднялся с пола и занял свое место на скамье, как будто упал с нее минуту назад.

— Юган, «голубя»! — крикнул лейтенант, срываясь на фальцет.

— Чего? — не понял штурман, который тоже пребывал в состоянии шока.

— Отстрели дрона!

— А, сейчас...

Хлопнул вышибной заряд, и у всех появилась долгожданная панорама, правда, по ней бегал разноцветный «снег», но он не особенно мешал, поскольку пораженным взорам предстала страшная картина тотально выжженной территории. Это было пятно диаметром метров в восемьсот, и среди этой дымящейся и кое-где горевшей территории угадывался обожженный корпус их КТМ и валявшаяся на боку грузовая платформа, которая все еще крутила колесами, делая попытки подняться.

— Я ни хрена не помню! — закричал вдруг Ольсен.

— Успокойся, Бьорн, — сказал Ляминен. — Тебя привалило, и мы с Брейном тебя сюда приволокли.

— Что будем делать? — спросил лейтенант, обращаясь ко всем.

— А можно я скажу? — подал голос Франтишек. Он дышал так, будто только что пробежал стометровку. — Давайте выйдем, забросим трос на монтажный крюк и поставим грузовик на колеса. И потом уберемся.

— Отличная мысль, Франтишек! — похвалил лейтенант. — Ясно и понятно. Бьорн — ты сиди здесь, остальные наружу, будем ставить грузовик на ноги.

В это было трудно поверить, но КТМ ехал по настоящему шоссе, и за ним бодро бежал закопченный грузовик, полный драгоценных гранул и бонусов для доставившей его сопроводительной группы.

Вокруг не рвались мины, КТМ не швыряло из стороны в сторону, и никто не вжимал голову в плечи, ожидая, что очередная мина или граната угодит в корпус.

«Сквоттеры» были поставлены в зажимы, застежки комбинезонов ослаблены. Весь ужас остался позади, и скоро можно было зайти в свой жилой бокс — такой уродливый снаружи и такой уютный внутри. Сорвать пропитанные липким потом тряпки и зашвырнуть в генератор, а потом постоять под душем и провести традиционную обработку ионизатором.

Брейн давно заметил, что где-нибудь в кратком отпуске в отеле ему после душа очень не хватало ионизатора. Этого покалывания на коже и запаха озона, стреляющего в нос.

— Конвой «два-четырнадцать-ноль-восемь», как ваши дела? — спросил диспетчер базы.

— Я же докладывал при подходе к периметру, — удивился Мози.

— Да, докладывали. Но груз очень ценный, поэтому тут беспокоятся.

— Дела у нас в порядке, заходим в город.

— Хорошо, ждем.

Брейн покосился на лейтенанта, тот пожал плечами. Дескать, чего переживать, когда, считай, рейс благополучно закончен.

Их обогнала полицейская машина, за ней еще одна, и на большой скорости они унеслись по улице.

— Так мы что, отдохнем или сразу новую халтурку подыщем, Томас? — спросил Леон.

— Хотелось бы, конечно, еще одну такую работенку, — поддержал игру Харви. — А то только начали удовольствие получать, и тут Юган все испортил.

— Шутки шутками, а как там будет пробиваться следующий конвой, я даже не представляю, — подал голос Ольсен.

Говорил он слабо и немного в нос, но Брейн подумал, что это не страшно. Полежит в санблоке, попьет таблеток и станет как новый. Ему и самому случалось попадать под ударную волну, ходил потом синий и опухший от множества кровоизлияний и тоже говорил в нос. Но за пару недель его привели в порядок.

С замечанием Ольсена он был согласен. То, что им удалось проскочить, было следствием редкого везения, еще немного, и ячейки от их «сквоттеров» остались бы пустыми — с одинокими табличками, как у Збиргова, Лурье и Парансера.

В отделении о них не говорили, хотя старожилы помнили. А Леон, Ляминен и лейтенант Моузер были переведены в отделение им на замену и знали о предшественниках только по обрывистым рассказам.

Збиргова и вовсе помнили только Брейн и Харви. Ольсен появился в роте чуть позже.

— «Два-четырнадцать-ноль-восемь», как ваши дела? Все ли в порядке с грузом? — снова забеспокоились на базе.

— Порядок с грузом. Мы выходим из городского квартала и уже движемся к базе. Практически.

— Хорошо, ждем.

Лейтенант покачал головой.

— Совсем с дуба рухнули. Ну вот чего они достают, а? Чего донимают?

— Тебе же сказали — ценный груз, — сказал Леон.

— Мы что, первый раз концентрат доставляем? Это уже на моей памяти четвертый раз...

— При тебе пятый, — поправил Брейн.

— А когда был пятый?

— Не пятый, а первый. В день вступления в командование отделением. Забыл?

— Забыл, — признался Мози. — Я тогда так волновался, что ни хрена не помню.

— Это потому, что все прошло гладко, — сказал Харви. — Мы даже не стрельнули ни разу.

КТМ подкатил к бронестенке, и, выжав тормоз, Франтишек сказал:

— Пришло время расставаться, ребята. Хотелось бы с вами и в следующий раз поехать.

— И мне тоже! — поддержал коллегу Юган. — Это был не рейс, а какое-то путешествие в жерло вулкана.

— Вы нам тоже очень нравитесь, — ответил Брейн. — Милости просим после ужина к нашей хижине. Будут напитки запрещенной крепости.

— Оба-на! А откуда вы их берете? — поинтересовался Юган.

— Приятель, если я скажу, мне придется тебя убить, — ответил Харви, и все засмеялись.

[Купить полную версию книги](#)